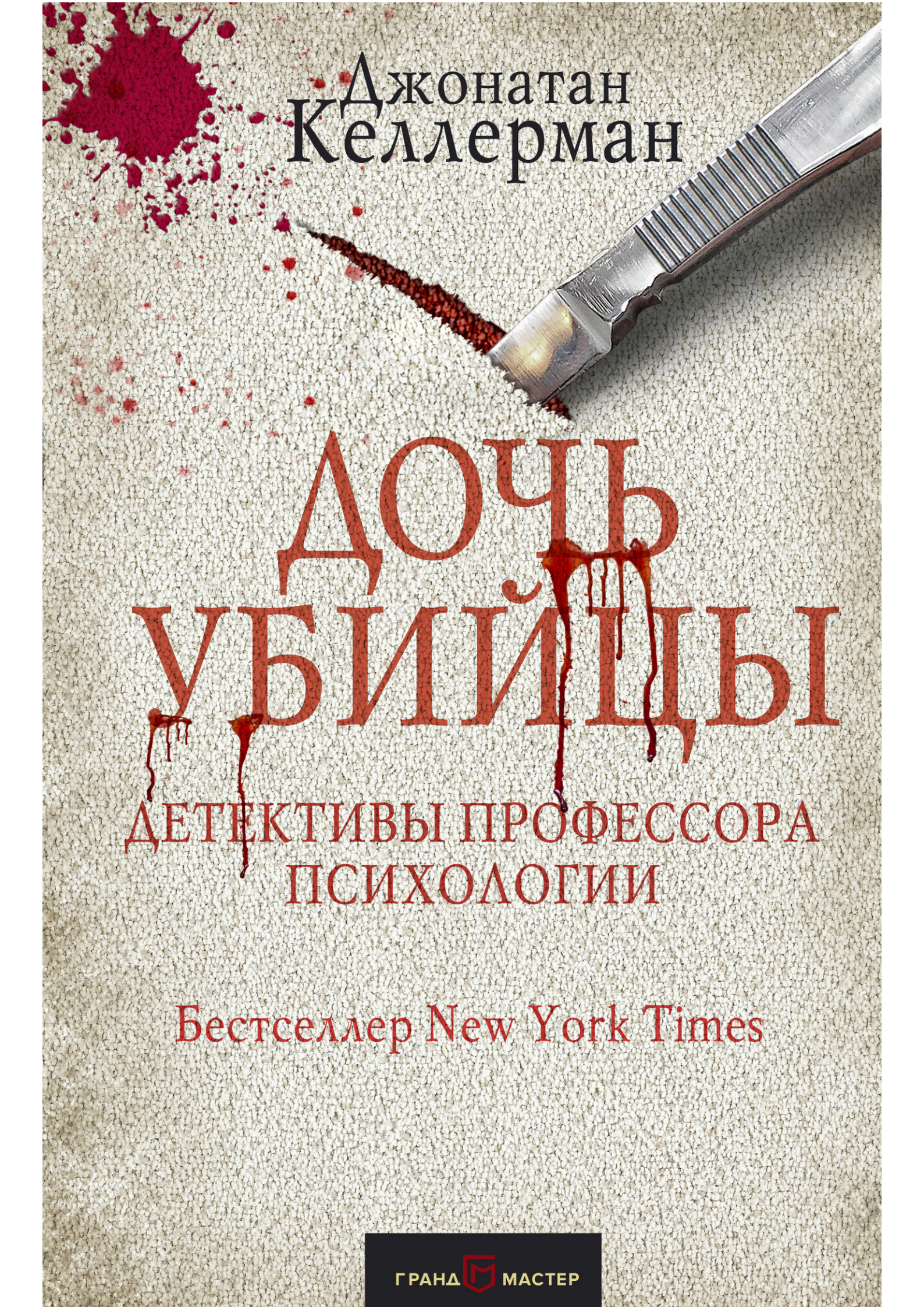

A close-up photograph of a knife with a bloodstain on a light-colored, textured carpet. The knife is positioned diagonally, with the blade pointing towards the bottom right. A large, dark red bloodstain is visible in the upper left corner, and a smaller, elongated bloodstain is visible near the knife's tip. The background is a light-colored, textured surface, likely a carpet.

Джонатан
Келлерман

ДОЧЬ УБИЙЦЫ

ДЕТЕКТИВЫ ПРОФЕССОРА
ПСИХОЛОГИИ

Бестселлер New York Times

Детективы профессора психологии

Джонатан Келлерман

Дочь убийцы

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Келлерман Д.

Дочь убийцы / Д. Келлерман — «Эксмо», 2015 — (Детективы профессора психологии)

ISBN 978-5-04-091989-5

Джонатан Келлерман – один из самых популярных в мире писателей детективов и триллеров. Свой опыт в области клинической психологии он вложил в более чем 40 романов, каждый из которых становился бестселлером New York Times. Практикующий психотерапевт и профессор клинической педиатрии, он также автор ряда научных статей и трехтомного учебника по психологии. Лауреат многих литературных премий. Метод талантливого психотерапевта Грейс Блейдс – резать по живому, не причиняя боли. Именно благодаря ему она достигала успеха даже в самых безнадежных случаях. А еще – своему жуткому детству. Кровавая смерть родителей прямо у нее на глазах, скитания по детприемникам и приемным семьям... Грейс на собственном опыте знает, от чего лечит людей – от потрясений, фобий, потери надежды... А что до ее прошлого, то оно полностью подконтрольно. В этом она была уверена – до того дня, пока не встретила одного давно забытого человека. И эта встреча сделала из нее пациентку самой себя...

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-091989-5

© Келлерман Д., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	32
Глава 9	40
Глава 10	45
Глава 11	49
Глава 12	52
Глава 13	55
Глава 14	60
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Джонатан Келлерман

Дочь убийцы

Посвящается ТК

Jonathan Kellerman
THE MURDERER'S DAUGHTER

Copyright © 2015 by Jonathan Kellerman. This translation is published by arrangement with Ballantine books, an imprint of Random House, a division of Penguin Random House LLC.

Оформление серии А. Саукова, Ф. Барбышева
Иллюстрация на суперобложке Филиппа Барбышева

© Гольдберг Ю.Я., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Пятилетняя Грейс жила на краю пустыни с двумя чужими людьми. С точки зрения биологии и закона они считались ее родителями, но сама девочка всегда считала их чужаками. И, насколько она могла судить, они относились к ней точно так же.

Ардис Норманд Блейдс был высоким и стройным двадцативосьмилетним мужчиной с длинными волосами, клочковатой светлой бородой, вытянутым унылым лицом и оттопыренными ушами. Несмотря на некоторое сходство с летучей мышью, выглядел он более или менее прилично – одновременно слащавым и немного опасным. Более или менее, постольку то привлекательное, что дала ему природа, давно разрушилось под действием наркотиков, алкоголя и почти непрерывной череды неудач.

Детство Ардиса прошло в отравляющей атмосфере заброшенности и безразличия. Мальчика, которому учеба давалась с трудом, много раз водили к психологам самой разной квалификации. Каждый из них с удивлением обнаруживал, что интеллект маленького Блейдса гораздо выше, чем можно было предположить по тупому выражению его лица и по постоянным проблемам с поведением. Он с трудом окончил девять классов – читать ему удавалось не лучше четвероклассника, а арифметику он забросил, так и не справившись с делением в столбик.

Все это ограничивало его возможности в выборе профессии, и когда он не жил на социальное пособие, то обычно работал посудомойкой, санитаром или поваром обжарки. Исключение составлял короткий и неудачный опыт в качестве помощника плотника, в результате чего Ардис лишился мизинца и приобрел страх перед крупными механизмами.

Непринужденная улыбка и хорошая фигура Блейдса привлекали женщин определенного типа. Одной из них была Доди Фандерберк. По части успехов в школе она недалеко ушла от Ардиса, что укрепило зародившееся между ними взаимопонимание.

Познакомились они на работе, в блинной «Флэппер Джек», едва сводившем концы с концами придорожном кафе на краю Долины Антилоп. Ардис чистил там гриль и мыл полы после закрытия, Доди убирала столы в вечернюю смену, а потом оставалась еще, чтобы подработать, сливая жироуловители и подметая зал. Дополнительным преимуществом этих задержек была возможность провести время с Блейдсом, когда они, закулив сигареты, убирали обшарпанное заведение.

Флиртовать эти двое начали в первый же вечер знакомства, а во второй Фандерберк уже взобралась на разделочный стол в кухне и раздвинула ноги. Высокий рост позволял Ардису справиться со своей задачей, не используя скамеечки для ног. Ему только исполнилось двадцать два года, а он уже был законченным алкоголиком и крепко подсел на амфетамин. Доди была на три года моложе его и отличалась пухлыми формами, а менструации у нее всегда были нерегулярными, и ей потребовалось четыре месяца, чтобы понять, что они с Арди зачали ребенка.

Как-то вечером, находясь на работе, девушка поняла, что молчать больше нельзя, потому что живот у нее уже выпирал. Она подошла к Блейдсу, который курил бычок и мыл пол, и задрала футболку.

– Ага, – произнес он. – Вот оно что.

– Точно, – кивнула Доди.

Ардис выпустил облачко дыма и пожал плечами.

– У меня нет денег, чтобы от него избавиться.

– Ладно, – сказала Фандерберк. – Может, я его сохранию...

Молодой человек пошел в другой угол зала.

– Ты меня любишь, Арди? – спросила его подружка.

– Конечно.

- Ладно, я его сохранию.
- Думаешь?
- Может быть.
- Как хочешь.

* * *

Брак даже не обсуждался. Ардис не изъявлял никакого желания, а Доди была бы не против, но считала, что они уже вроде как женаты, потому что живут вместе в ее трейлере – односекционном мобильном доме – на удобной стоянке под названием «Грезы пустыни»; тот был больше, чем фургон для перевозки лошадей Блейдса на задворках давно заброшенного питомника пальм, где он незаконно поселился два года назад. Кроме того, составление бумаг – это суета и деньги, а всем вокруг, включая родителей девушки, было на это наплевать. Отец Доди сбежал еще до ее рождения, и она подозревала, что Ардис может последовать его примеру. Она вполне могла себя прокормить – ее мать всю жизнь прожила одна, а со всем, что умела делать эта тупая сука, Доди справлялась лучше.

Пока живот был не слишком заметен, молодая женщина делала вид, что ничего не происходит. Но это становилось все труднее и труднее, и временами, оставшись одна, будущая мать пыталась радоваться ребенку. Иногда она падала духом, тоска поднималась в ней изнутри, словно изжога, и Доди плакала. Может, ребенок будет забавным – его ведь можно наряжать, ему можно покупать игрушки, с ним можно играть... Хотя кто-то будет считать ее умной.

* * *

Роды вылились в восемнадцатичасовую пытку, а Ардис заглядывал в палату лишь на несколько минут – вопли и проклятия Доди то ли шокировали, то ли утомляли его. А прежде всего ему хотелось курить. Каждый раз, когда он возвращался, роженица кричала на него еще громче, а от ее грязных ругательств морщились медсестры. Потом у нее закончились силы даже на это, и женщина превратилась в подобие маленького червяка, молча страдающая и гадая, сколько еще, черт возьми, она так *продержится*.

По большей части на крики Доди никто не обращал внимания, но в конце концов приходила медсестра и добавляла что-то в бутылку для внутривенных вливаний, хотя толку от лекарства было немного. Пациентка не могла получить того, что ей действительно помогло бы, – это было бы незаконно.

В довершение всего ребенок лежал неправильно, и его нужно было перевернуть, как хот-дог на гриле, – догадаетесь, что девушка при этом чувствовала? Наконец, Доди ощутила, как из нее вышло что-то скользкое – серое и неподвижное.

Врач, черный парень, который только что появился в палате, сказал:

– Это серьезно. Пуговина обвилась... в трех местах.

Потом стало тихо, и Доди подумала, что родила что-то мертвое, но в тот момент это ее не волновало. Главное, что ей больше не больно и они с Ардисом вернутся к прежней жизни.

Послышался звук шлепка, а потом оглушительное «Уа-а-а!».

– Ну вот, – сказал врач. – Славная и розовая. Апгар¹ поднялся, с двух до восьми.

Потом он что-то забормотал, прищелкнул языком и загудел. Доди лежала неподвижно – у нее было такое чувство, словно из нее вынули сердцевину, как у дыни, и больше всего ей хотелось заснуть.

¹ Апгар, Шкала Апгар – система быстрой оценки состояния новорожденного; шкала от 0 до 10.

Одна из медсестер, низенькая, с розовыми, как помидоры, щеками, сказала ей:

– Вот твоя дочь, милочка. Свежая, прямо из печки, громкая и здоровенькая – отличные легкие.

Глупость какая, подумалось роженице, – хлеб и пирог не орут и не вгрызаются в твои внутренности, как цепная пила.

Но Доди слишком устала, чтобы спорить. Почувствовав вес ребенка, которого положили ей на грудь, она закрыла глаза.

– Обними ее, милочка. Ей нужно твое тепло, – сказала медсестра с розовыми щеками, после чего положила руки Доди на сверток в пеленке и прижала, чтобы они никуда не делись.

Молодой матери хотелось ударить суку-медичку. Но она не убирала руки, надеясь, что эта корова от нее отстанет.

– Ну вот, милая, всё в порядке... Ой, она такая милая! – продолжала сестра. – Это так приятно – после стольких трудов такое изящество...

А Доди подумала: «По крайней мере, у меня есть для нее имя. Грейс – изящная».

* * *

В ту ночь ей принесли покормить ребенка, хотя она сказала, что хочет спать.

– Милая, – ответила ей другая медсестра, – на какое-то время о сне можешь забыть.

Через два дня Доди и Ардис забрали малышку домой.

Сука была права.

* * *

Пятилетняя Грейс не понимала, как она смогла пережить младенческий возраст. На стоянке для трейлеров она видела семьи с маленькими детьми и представляла, что это значит – растить младенца. Неужели чужие люди делали все это, когда она была крошечной и беспомощной? Трудно поверить – ведь они даже толком не кормили ее.

Нет, она не голодала. В доме всегда были остатки из «Макдоналдса», где теперь работал Ардис, и всякая всячина, которую таскала Доди из «Дэйри куин», где она убирала по вечерам. Плюс то, что они вместе воровали в магазинах. Просто они никогда не садились вместе за стол.

В те несколько раз, когда это случалось, Грейс набивала полный рот еды, быстро жевала, проглатывала и тянулась за новой порцией. Когда Блейдс был в благодушном настроении, он давал ей конфету. Никому не приходило в голову приготовить ужин и покормить ребенка, и девочка почти всегда отправлялась спать полуголодной.

Иногда, когда чужаки спали, Грейс проскальзывала на кухню и объедалась тем, что могла там найти. И не забывала убраться за собой. Хотя она была единственной, кто вообще убирал в трейлере.

К пяти годам Грейс научилась заботиться о себе.

Бывало, она выходила из своего трейлера голодной, и соседи, заметив это, кормили ее. Самой лучшей была миссис Рейли. Когда глаза у нее не были безумными от водки и она не кляла на чем свет стоит нигтеров и мексикашек, то по-настоящему готовила и пекла. И еще она любила Грейс и всех детей на стоянке для трейлеров. Даже мексиканских.

Днем Рейли убирала в демонстрационных домах в обширном районе новостроек, которые оставались по большей части нераспроданными. Долина Антилоп, с ее нестерпимой жарой и пронизывающими ночными ветрами, переживала периоды как экономического подъема, так и упадка – но в основном упадка.

Большинство обитателей «Грез пустыни» работали на низкооплачиваемой работе. Некоторые были инвалидами или душевнобольными, а иногда и тем и другим вместе, и просто

сидели и ждали смерти. Несколько физически крепких лентяев пьянствовали, курили травку и ничего не делали. И каждый житель стоянки для трейлеров превосходно разбирался в мешанине государственных программ, которыми мог воспользоваться человек, находящийся на грани бедности – или за гранью.

Одно из пособий предназначалось для ухода за детьми. В «Грезах пустыни» это означало, что федеральные власти и власти округа платят миссис Родригес, дабы она присматривала за дюжиной ребятишек в своем большом трейлере с номерами Джорджии, окруженном горшками с кактусами. Детей было много, и поэтому ни один из них не получал должного внимания, но телевизор с мультфильмами всегда был включен, а от выросших детей самой Родригес остались коробки с книгами и игрушками. Плюс у тех, за кем она присматривала, всякие интересные штуки, которые можно было найти в мусоре, и много места для возни на пыльной площадке вокруг трейлера, если только остерегаться колючих растений. Так что Грейс была довольна.

Она не очень любила играть с другими детьми. Ей нравилось смотреть «Улицу Сезам» и «Электрическую компанию», и к четырем годам телевизионные шоу научили ее складывать буквы в слова. Много лет спустя Грейс поняла, что у нее врожденные способности к пониманию структуры языка. А пока она просто воспринимала это как забавную игру в слова – еще один способ что-то узнать, потому что именно этим она и занималась: понять чужих людей, узнать, как не остаться голодной, как соблюдать чистоту и что скрывается за словами и поступками людей.

В пять лет Грейс уже бегло читала, не хуже первоклассника, но никому об этом не рассказывала. Зачем?

Чужим людям, с которыми она жила, было все равно. Теперь Ардис редко появлялся дома, причем если появлялся, то почти всегда пьяным, а Доди принялась бурчать, что нужно убраться отсюда к чертовой матери – куда-нибудь, где она будет свободной.

Результат столкновения спиртного с недовольством мог быть непредсказуемым. Блейдс никогда не пускал в ход кулаки, но все время замахивался, имитируя удары, и не скупился на беспорядочные шлепки открытой ладонью. Иногда его рука едва касалась Доди, а иногда получался громкий чмокающий звук.

Время от времени на лице матери оставались синяки, и ей приходилось закрашивать их макияжем. Так поступали многие женщины в «Грезах пустыни».

Некоторые мужчины тоже скрывали побои. Например, мистер Родригес, который обычно не жил со своей женой. Однажды Грейс видела, как он с разбитым в кровь носом бежал из трейлера миссис Родригес, а она вышла за дверь и схватила горшок с кактусом, как будто собиралась запустить им в мужа.

Но не запустила. Он бежал слишком быстро, и кроме того, миссис Родригес любила свои растения.

Что касается Ардиса и Доди, то ущерб могли понести обе стороны. Когда Блейдс вырубался на кухне и начинал храпеть, его сожительница специально задевала ногой его стул. Он вздрагивал, просыпался, начинал давиться слюной и кашлять, а затем голова у него снова склонялась на грудь, и Доди указывала на него пальцем, корчила рожи и смеялась.

Иногда она шлепала его пониже спины или называла неприличными словами, не заботясь о том, что Грейс может это увидеть или услышать.

Временами, когда Ардис крепко спал, в стельку пьяный, Доди проскальзывала ему за спину и ногтями впивалась ему в затылок, а если это не помогало, то дергала его за волосы и ждала, что будет.

Опухшие веки Блейдса открывались, а Доди стояла сзади, показывала на него пальцем и беззвучно смеялась.

Грейс делала вид, что ничего не замечает. Чаще всего она в такие моменты заползала в угол гостиной, где обычно спала. Единственная зловонная спальня в задней части трейлера

принадлежала Доди, а когда объявлялся Ардис, он тоже там спал. Грейс же часто не спала – она включала телевизор и смотрела его без звука, развлекаясь тем, как смешно люди шевелят губами. Или читала книги, которые таскала от миссис Родригес, а потом из детского сада.

У нее была собственная коллекция слов, которая постоянно пополнялась и куда также добавлялись цифры. С помощью этой коллекции девочка могла понять, как обращаться с цифрами и как узнавать обо всем, никого не спрашивая.

Однажды, решила Грейс, она станет самостоятельной, и все это ей, наверное, пригодится.

Глава 2

Доктор Грейс Блейдс обнимала женщину.

Многие психотерапевты уклоняются от физического контакта. Грейс не уклонялась ни от чего.

Страждущим нужно нечто большее, чем ласковые слова, сочувственные взгляды и вздохи. Они заслуживают большего, чем жалкая ложь под названием эмпатия.

Блейдс не испытывала никакого уважения к идее эмпатии. Она жила в красной комнате.

* * *

Женщина продолжала плакать на плече Грейс. Ее ладони, которые крепко сжимала доктор, были маленькими, влажными и мягкими. Судя по тому, как женщина упала в объятия врача, сторонний наблюдатель сделал бы вид, что это начальный этап лечения.

Но женщина уже успешно прошла курс психотерапии и каждый год возвращалась для того, что Грейс называла «показательными» сеансами.

Смотрите, доктор, у меня все хорошо.

Да, конечно.

В этом году она, как обычно, попросила о встрече в худший из дней, в годовщину, и Блейдс знала, что основную часть сорокапятиминутного сеанса эта пациентка проплачет.

Женщину звали Хелен. Она начала лечение три года назад и приходила к Грейс так часто, как ей требовалось, пока не переехала из Лос-Анджелеса в Монтану. От предложения найти для нее местного специалиста Хелен отказалась – как и предполагала психотерапевт.

Четыре года назад, день в день, девятнадцатилетнюю дочь Хелен изнасиловали, задушили и изуродовали. Найти монстра, который это сделал, не составило большого труда. Он жил вместе с родителями через дорогу от квартиры-студии девушки в Калвер-Сити, и из заднего окна его квартиры прекрасно просматривалась спальня девушки. Несмотря на длинную историю подглядываний, переходящих в сексуальные домогательства, суды нянчились с ним и позволяли ему жить в свое удовольствие. Тупой и легко возбудимый, он не удосужился выбросить окровавленную одежду или кривой, заляпанный кровью нож, который взял в кухне жертвы.

Судебное разбирательство стало бы настоящей пыткой, но пошло бы на пользу Хелен. Однако монстр опять ее обманул – бросился с отверткой на копов, пришедших его арестовывать, и пули сотрудников полицейского управления Лос-Анджелеса превратили его в решето.

Дело было закрыто – для всех, кроме его жертвы. Она продолжала звонить в офис окружного прокурора, но лишь затем, чтобы расплакаться и признаться, что для звонка не было никаких причин. Один или два раза она забывала, кому звонит. В конечном итоге заместитель окружного прокурора, занимавшийся этим делом, перестал отвечать на ее звонки. А его секретарь, более проницательная и внимательная, предложила Хелен обратиться к Грейс.

К психологу? Я не сумасшедшая!

Конечно, нет, мэм. Доктор Блейдс другая.

Что вы имеете в виду?

Она действительно понимает.

Блейдс заставила Хелен почувствовать, что внимание врача сосредоточено только на ней – таков был ее метод взаимодействия со всеми пациентами. Главным всегда был поиск зерна индивидуальности в каждом человеческом существе, однако у всех Страждущих было нечто общее, и за много лет Грейс выработала парадигму лечения: делай все возможное, чтобы установить взаимопонимание, потому что без взаимопонимания помочь невозможно. Будь доступ-

ной 24 часа в сутки 7 дней в неделю, и когда придет время – именно в этот момент в дело вступает искусство психотерапии, – начиная процесс восстановления. При всем при том цели должны быть реалистичными: о прежнем счастье, как до появления монстра, не может быть и речи.

Но это не значит, что успех непрочен. Почти всех пациентов можно подвести к тому, чтобы они получали удовольствие, а удовольствие – питательная среда для исцеления.

Последний принцип Грейс применяла и к себе самой: почаще позволять себе отпуск.

* * *

Процесс лечения мог занимать месяцы, годы, десятилетия. Или вечность. У Грейс были пациенты, которые ходили к психотерапевтам и десять, и двадцать лет. Чтобы избавиться от ужаса, который они испытали, когда сама она еще училась в начальной школе.

Хелен, плакавшая в ее объятиях, вполне могла стать одним из них – заранее этого знать нельзя. Люди непредсказуемы, и именно это делало профессию Грейс такой интересной.

Она почувствовала, как женщина напряглась. А потом издала хриплый стон и всхлипнула.

Доктор Блейдс крепче обняла Хелен и начала покачивать ее, словно младенца. Та еще раз всхлипнула, затихла и впала в состояние, похожее на транс – на ее губах застыла безмятежная улыбка. В точности как и предполагала Грейс – обычно она точно угадывала, что происходит в душе у пациентов. Тем не менее психотерапевт старалась держаться скромно, потому что ее работа не имела отношения к исцелению. Собственно, речь и не шла об исцелении.

Тем не менее почти всем пациентам становилось немного лучше – какие еще профессии способны доставить такое удовольствие?

В этом месяце у Блейдс наступило временное затишье в работе, так как поток пациентов уменьшился, и она спланировала очередной отпуск. Завтра последний день, а потом она уедет на две недели.

Отпуск был понятием растяжимым. Иногда Грейс улетаала куда-нибудь подальше, селилась в роскошных отелях и с головой погружалась в приключения. Иногда оставалась дома и просто бездельничала.

Самым приятным было то, что она сама себе хозяйка, и поскольку никаких конкретных планов на следующую неделю у нее не имелось, она могла перебирать любые варианты, от Малибу до Монголии.

Когда Грейс работала, ее журнал записи пациентов был заполнен на много месяцев вперед, а окно в нем если и появлялось, то только после того, как пациенты вылетали из гнезда. Она не занималась саморекламой, но молва о ней разошлась среди судей и адвокатов – и, что еще важнее, среди их впечатлительных помощников и секретарей, которые ценили ее работу. Ее бизнес держался в основном на хвалебных отзывах клиентов.

Расценки у нее были чуть выше средних, и все платили либо чеком, либо наличными при входе в кабинет – ни скидок, ни страховых полисов, ни квитанций. И дело было не в деньгах, поскольку Блейдс могла прекрасно прожить и без практики. Отношения обязаны быть деловыми и этичными, а это предполагало отказ от пациентов с кучей долгов.

Лечение должно быть партнерством, которое ценят обе стороны, и это требует тяжелой работы от всех участников. Грейс не привыкла бежать от трудностей, а к тому времени, когда Страждущие приходили к ней, они уже были готовы делать все, что нужно.

Дай им бог здоровья.

Хелен по-прежнему льнула к врачу. Она была на пятнадцать лет старше Блейдс, но сегодня, в этом тихом, милом кабинете, психотерапевт была матерью, а ее клиент – ребенком.

Грейс была младше большинства своих пациентов, но ей казалось, что она старше на несколько веков. Она подозревала, что никто из них не думал о ее возрасте. Их интересовало только одно – ее способность им помочь. Так и должно было быть.

Полтора месяца назад ей исполнилось тридцать четыре, но при необходимости она могла сойти за двадцатипятилетнюю. Одаренная студентка, Грейс защитила докторскую диссертацию по клинической психологии в удивительно юном возрасте, спрессовав шестилетний курс в четыре года – она была второй за всю историю Университета Южной Калифорнии, кому это удалось.

Первым был преподаватель, который вел у Грейс обязательный семинар по детской клинической психологии. Она не любила работать с детьми, но Алекс Делавэр, как никто другой, сумел сделать этот предмет интересным. Вне всякого сомнения, он был блестящим человеком, скорее всего, одержимым, мотивированным, склонным к перфекционизму и с не самым легким характером. Но Блейдс ценила его прямо, а его успехи в борьбе с научной бюрократией подвигли ее последовать его примеру.

Теперь, достигнув возраста, когда отказывающиеся взрослеть маменькины сынки все еще «пытаются разобраться в себе», Грейс наслаждалась взрослой жизнью.

Ей нравилось все, что сопровождает зрелость, – ее место в жизни, роскошь, которой она себя балует, повседневный ритм и привычки. Даже внешность – впрочем, без перехода в эгоцентрическое заблуждение.

Мужчины называли ее красивой, но объяснялось это послеоргазменной Y-хромосомной близорукостью. Она была в лучшем случае привлекательной, и ее тело состояло скорее из плоскостей, чем из округлостей. Слишком широкие плечи и слишком узкие бедра скрывали ее тонкую талию – до фотографии на развороте модного журнала ей было так же далеко, как до луны.

Что подтверждали и ее груди.

В четырнадцать Блейдс лестила себе, называя их дерзкими и полагая, что в свое время они расцветут и приобретут пышность. Когда ее возраст удвоился, она стала радоваться дерзости.

Широко расставленные карие глаза Грейс нельзя было назвать выразительными. Ее очень удивляло, когда мужчины утверждали, что видели крошечные золотистые искорки рядом со зрачками. Сама она не могла их обнаружить, сколько ни пыталась.

Один надоедливый будущий поэт назвал ее глаза «двумя колодцами драгоценной руды». Но это была скорее уж не руда, а пирит. Лицо, на котором сидели эти глаза, было слишком длинным для идеального овала, хотя его тонкие кости были обтянуты гладкой смуглой кожей. Россыпи светло-коричневых родинок встречались в самых интересных местах по всему телу. Еще один мужчина назвал эти мазки пуантилиста «десертом» и принялся лизать их. Грейс позволила ему это, но потом почувствовала себя собачьей миской с водой.

Волосы можно было записать ей в плюс – шелковистая каштановая масса, выглядевшая превосходно при любой стрижке. Несколько месяцев назад она позволила стилисту из Беверли-Хиллз дать волю фантазии, результатом чего стала пышная копна, которая заканчивалась прямо над лопатками и легко приводилась в порядок простым встряхиванием.

Но победителем был... подбородок. Твердый, заостренный, четко очерченный и сильный.

Ни намек на нерешительность.

Психотерапевтический подбородок.

* * *

Хелен разомкнула объятия: ее лицо было спокойным и уверенным. Она взяла предложенную салфетку и села в кресло пациента.

Сеанс очень затянулся, чего Грейс старалась избегать. Но нужно проявлять гибкость, а сегодня Хелен была последним пациентом. У Грейс оставалось еще много сил на то, что ждало ее вечером.

Тем не менее она слегка повернула голову, чтобы клиентка обратила внимание на бронзовые часы в стиле модерн, стоявшие на каминной доске.

Губы Хелен сложились в букву «О».

– Простите, доктор... Позвольте заплатить за дополнительное время.

– Ни в коем случае, Хелен.

– Но, доктор Блейдс...

– Было очень приятно с вами познакомиться, Хелен. Я горжусь вами.

– Правда? Даже несмотря на то, что я расклеилась?

Этот вопрос женщина задавала каждый год.

– Хелен, то, что я сегодня видела, – это честность.

– Лучшая политика? – Пациентка попыталась улыбнуться.

– Не всегда, но в данном случае лучшая. Вы замечательный человек.

– Прошу прощения?

Грейс повторила комплимент. Хелен покраснела и опустила взгляд на свои новенькие ковбойские сапоги, не подходящие к платью, но все равно симпатичные.

Теперь она жила на ранчо в окрестностях Бозмена с новым мужчиной ее мечты, крупным, практичным, похожим на дубовую доску человеком, который любил охоту и рыбалку и жалел, что не может добраться до того ублюдка, который...

– Иногда, доктор Блейдс, мне кажется, что честность – самая худшая из всех вещей, – сказала клиентка.

– Возможно. Однако посмотрите на это так, Хелен: честность подобна одному из ружей Роя. Правильно пользоваться ею может только обученный человек.

Клиентка задумалась.

– О... да. Понимаю...

– Мне кажется, Хелен, вы на пути к тому, чтобы стать в этом деле большим специалистом.

– О... спасибо, доктор Блейдс... Пожалуй, мне пора... Рано утром у меня самолет.

– Приятного путешествия.

Еще одна натянутая улыбка.

– Думаю, у меня получится, доктор Блейдс. Вы всегда говорили: в какой-то момент мы должны решить, что должны быть добрыми к себе.

Грейс встала и сжала руки Хелен, а через секунду отпустила левую и, продолжая держать ее за правую, вывела пациентку из кабинета. Делала она это ловко и изящно, как опытный танцор танго, чтобы Хелен чувствовала, что ее поддерживают, а не отвергают. Они молча прошли по пустому полутемному коридору, который вел в приемную, и добрались до входной двери, где клиентка остановилась.

– Доктор, можно мне... Вы понимаете?

Еще один привычный вопрос.

Грейс улыбнулась.

– Конечно, электронной или обычной почтой. Или «Пони-экспресс», если вам удобнее.

Тот же ответ, что и всегда. Женщины рассмеялись.

– И еще, Хелен: если окажетесь в Лос-Анджелесе, вспомните обо мне, – добавила Блейдс. – Хотя бы просто поздороваться.

Теперь улыбка пациентки была сердечной и широкой, без намека на конфликт. Когда они так улыбались, Грейс понимала, что выбрала правильную профессию.

– Я о вас всегда помню, доктор Блейдс. Всегда.

Глава 3

Кабинет Грейс раньше был главной спальней коттеджа в английском деревенском стиле, который служил ее профессиональной штаб-квартирой. Симпатичный маленький домик постройки двадцатых годов находился на тихом углу одной из ничем не примечательных улочек Западного Голливуда и, как и многие его соседи, прятался за высокой зеленой изгородью.

Это место находилось в пешей доступности от квартир в Беверли-Хиллз, но достаточно далеко от роскошных кварталов, а также лихорадочной суеты Бойстауна в Западном Голливуде. Угловое расположение было не случайным – Блейдс настаивала, чтобы пациенты могли входить с одной улицы, а выходить на другую.

На первый взгляд люди, обращавшиеся к ней за помощью, имели много общего, однако они никогда не встречались друг с другом. Другой психотерапевт мог бы возразить, указав, что пациентам с посттравматическим синдромом полезно делиться друг с другом своими переживаниями.

Возможно, но, по мнению Грейс, важнее была потребность в глубоком зондировании, в магии бесед один на один. Иногда она думала о себе как о своего рода эмоциональной вакцине.

В ее кабинете были мягкие кресла, мягкий свет и приглушенные краски, а единственным, что напоминало о ней самой, были рамки с дипломами, сертификатами и почетными званиями на стене позади письменного стола.

В доме были деревянные панели на стенах, лепнина с орнаментом в виде греческого ключа, декоративные ниши, облицованный плиткой камин и окна с ромбовидными стеклами. Прямо в день покупки дома Блейдс принялась мыть и красить дубовые полы, а затем, ползая на четвереньках, натерла их. Освоив азы шитья – много проб и еще больше ошибок, – она соорудила занавески из некрашеного шелка, найденного в комиссионном магазине, и повесила их на старинные латунные стержни, которые купила через Интернет.

Гордишься мной, Малкольм?

Результат: рабочая обстановка. То, что *нужно*.

Теперь, когда рабочий день закончился, Грейс налила себе стакан воды и прошла в гостиную, которая была переоборудована в приемную. Раздвинув занавески на двух окнах, выглянула в темноту.

Звезд не было – такие вечера она любила больше всего.

Заперев входную дверь на два замка и выключив свет, Грейс вернулась в кабинет и отперла вместительный шкаф, предназначенный для гораздо более богатого гардероба, чем тот, что помещался в нем теперь. Из маленького кожаного футляра она достала пару цветных контактных линз, продающихся без рецепта, – у нее собралась уже целая коллекция.

Сегодня будут голубые, через которые немного просвечивает естественный карий цвет, и в результате получается загадочный оттенок цвета морской волны. Сбросив бордовые туфли без каблуков, женщина расстегнула рабочий халат – один из дюжины белых шелковых халатов с застежкой до низу, которые сшил ей портной из Гонконга, дважды в год приезжавший в Лос-Анджелес на закрытые показы моделей, – и стянула черные слаксы мужского покроя, также приобретенные у мистера Лэма в количестве двенадцати штук. За слаксами последовали трусики и бюстгальтер, место которых заняло вечернее платье.

Грейс выбрала его вчера – из серого кашемира, узкое и облегающее фигуру, с длинными рукавами и воротником «хомут», которое она окрестила «цельнокроеным чудом». Шелковая подкладка делала белье ненужным. Нейтральный серый цвет подчеркивал красоту каштановых волос, юбка заканчивалась на дюйм ниже колен, обещая интересное путешествие, а рукава выставляли руки в выгодном свете.

Ни пуговиц, ни молний, ни каких-либо украшений. Надевается через голову, с поднятыми руками, и скользит по телу, словно жидкий лосьон.

Красно-коричневые замшевые туфли ручной работы были изготовлены сапожником из Барселоны, специализировавшимся на обуви для фламенко. Теперь шоколадного цвета портфель с одной застежкой и такого же тона сумка-кисет, в которой уже лежали деньги, помада и серая матовая «Беретта» калибра 22 – и она готова.

Время развлечься.

* * *

Прошло уже довольно много времени – несколько месяцев, – с тех пор как Грейс позволила себе Прыжок. Воздержание не имело ничего общего с неуверенностью в себе или сдержанностью – это был вопрос профессиональной ответственности. При таком насыщенном графике работы доктор Блейдс была обязана сосредоточиться на душевном здоровье пациентов.

Но это не означало отсутствия нескольких маленьких «прыжков».

Возвращаясь домой поздно вечером по Калифорнийскому шоссе № 1 и убедившись, что пустая дорога плавно идет под уклон, она медленно нажимала на педаль газа своей «Астон Мартин».

Разгоняла машину до семидесяти, восьмидесяти, девяноста, ста двадцати миль в час.

И на этой скорости неслась вперед, зажмурив глаза.

Радость невесомости.

Пару недель назад, в воскресенье, Грейс встала на рассвете и пошла пешком вверх по каньону, отходившему от шоссе в глубь суши. Она была единственным исследователем размеченных троп, которые, извиваясь, поднимались к горам Санта-Моника. Две мили женщина шла по маршруту, а потом разделась догола, скатала одежду, сунула ее в рюкзак и сошла с тропы, углубившись в кустарник.

Скоро заросли стали густыми, заслонив все ориентиры.

Потеря ориентации вызывала радостное возбуждение.

Она заблудилась.

Поддалась страху. Преобразовывала его в возбуждение.

Она заглядывала в глубины своего сознания, вспоминала, через что ей пришлось пройти и чего она достигла.

Главное – выжить.

Это потребовало времени, но в конечном итоге Грейс вышла к своей машине, грязная, исцарапанная и покрытая синяками. В памяти у нее четко отпечатались грозный рык и желтая шкура пумы.

Царапины легко скрывались косметикой. Бравада зверя острым шипом сидела у нее в мозгу, и вечером она легла в постель, представляя ярость пумы и ее жажду крови. Спала она прекрасно.

О, великолепный убийца!

Возможно, когда-нибудь она вернется и поищет большую кошку. В рюкзаке у нее будет кусок сырого мяса.

Обнаженная женщина с мясом. Отличное название для картины.

Глава 4

Выходила Грейс через кухню и вторую дверь для пациентов, которая вела на обрамленную бальзамином и затененную палисандром лужайку, служившую задним двором коттеджа.

Узкая дверь была прорезана в фасадной стене гаража. Дом был крошечным, но строили его для Лос-Анджелеса, а это даже в двадцатые годы означало «религию автомобиля» и место для двух машин.

В гараже хозяйку ждали две колесницы, обе черные и безупречно чистые, обе – по ее мнению – женщины.

Универсал «Тойота Матрикс S» служила воплощением логики и функциональности, а индивидуальности в ней было не больше, чем у дерева в лесу.

«Астон Мартин DB7» олицетворяла иррациональность.

Сегодня выбор был очевиден.

Скользнув в низкую красавицу, Грейс пультом открыла дверь гаража, нажала красную кнопку стартера, и под капотом машины ожили четыре сотни фыркающих лошадей. Включив «Айпод», женщина поставила Шестой Бранденбургский концерт Баха и задом выехала из гаража, после чего остановилась, оглядывая улицу и давая двигателю время, чтобы прогреться.

Автомобильная прелюдия. Если торопить девушку, она может стать упрямой и капризной.

Когда рокот двигателя «Астон Мартин» просигнализировал о готовности, Грейс снова огляделась, а затем ее коричневая туфля вдавила педаль газа.

Машина рванулась вперед, словно ракета. Блейдс промчалась квартал или два, а затем притормозила, пробираясь через лабиринт узких улочек к выезду на Сансет.

Она двигалась в противоположном направлении от своей цели, потому что ей требовалось время, чтобы расслабиться. Прибавив Баху громкость, женщина ехала до тех пор, пока не почувствовала, что ее тело стало спокойным и расслабленным и слегка зазудело в предвкушении чудесного Прыжка. Повернув налево, машина с ревом пересекла несколько кварталов темных жилых домов на склоне холма, миновала знак тупика и описала круг. Промчавшись в обратном направлении, Грейс вернулась на Сансет, влилась в поток транспорта и поехала на запад вдоль границы Беверли-Хиллз.

Пейзаж за окном изменился, словно она попала в другую страну. Место клубов, кафе и офисов шоу-бизнеса теперь заняли огороженные поместья с изобилием хлорофилла. Примерно через полмили относительного безмятежного пейзажа Блейдс свернула на юг и поехала по широким и плоским улицам, по большим и маленьким бульварам Санта-Моники, пока не оказалась в деловом центре Беверли-Хиллз.

В этот час почти все заведения уже закрылись, и свет горел только в витринах нескольких магазинов. У богатых имелись бассейны, теннисные корты, домашние театры, домашние спа – все что угодно. Какой смысл куда-то ехать и смешиваться с мужланами? Немногочисленными драгоценными мужланами – горсткой туристов и любителей разглядывать витрины...

Когда «Астон Мартин» повернул к бульвару Уилшир, перед Грейс открылось долгожданное великолепное зрелище, однако остановилась она за полквартала от цели.

* * *

Отель «Беверли Опус» представлял собой зиккурат из розового известняка и дымчатого стекла с вымощенной сланцем парковкой, в центре которой красовался фонтан в окружении пальм. Современный хром должен был служить доказательством элитной клиентуры отеля, но

служащие в цилиндрах и фраках за чаевые в двадцать долларов с удовольствием ставили на парковку любой приличный автомобиль.

Дешевой – три доллара после восьми вечера, при условии, что у вас есть кредитная карта, которую можно скормить автомату на въезде, – общественной стоянкой Грейс воспользовалась вовсе не из бережливости.

Подготовка – залог успеха.

Заехав на верхний уровень, она принялась искать самый темный и глухой угол, скрытый от любопытных взглядов за колонной.

Найти нужное место не составило труда – заляпанный маслом просвет в юго-восточном углу, между *двумя* колоннами.

Именно таких мест советуют избегать женщинам все руководства по самозащите.

Превосходно.

* * *

Отель «Бeverли Опус» был построен всего три года назад, и в городе почти сразу же начали распространяться слухи о его закрытии. Возможно, когда-нибудь они сбудутся – Грейс заметила, что с прошлого раза, полгода назад, количество шикарных автомобилей уменьшилось.

И еще один плохой признак: ни одного папарацци, выглядывающего из проулка.

Рядом с косметическим салоном на Кэмден-драйв, где доктор Блейдс еженедельно делала маникюр и педикюр, этих безумцев с камерами всегда хватало, но к «Опусу» они утратили интерес.

М-да...

Психотерапевт прошла мимо служащих парковки и швейцара. Шесть месяцев назад у нее была другая прическа, другое платье, другой макияж и другая походка. Но даже если б она и не изменила внешность, никто не обратил бы внимания на еще одну стройную моложавую женщину с портфелем.

Командировочный – синоним невидимки.

И действительно, трое клерков за стойкой администратора даже не подняли головы, когда она проходила мимо.

Грейс пересекла облицованный мрамором вестибюль, прошла мимо огромного стола в стиле «пьетра дура», украшенного таким количеством цветов, что их хватило бы на месяц похорон. По длинному коридору, образованному еще не закрывшимися, но уже не такими многолюдными магазинами подарков, она направилась в холл, похожее на пещеру помещение, которое казалось еще больше благодаря кессонному потолку высотой в десять метров. Там в случайном порядке располагались диваны и орхидеи в горшках. Имелся в этом месте и ярко-оранжевый рояль, за которым никого не было.

Холл был на две трети пустым, и каждому посетителю доставалось много персонального пространства. Тихая джазовая мелодия, звон стаканов, монотонный гул обязательной болтовни...

Выбрав двухместный диван, развернутый так, чтобы сидеть лицом к пианино, но стоящий достаточно далеко от него, а также от бара позади него, Грейс села, поставила рядом с собой портфель из змеиной кожи и положила сумочку на диван. Скрестив ноги, женщина покачала туфель, и лицо у нее стало задумчивым, а потом, словно приняв решение, она открыла портфель и извлекла из него стопку инвестиционных писем из рекламных рассылок, приходивших ей в офис, – скучная хрень, которую она собирала для таких вечеров, как этот. Вытащив насыщенную жаргоном статью о перспективных рынках, Блейдс сделала вид, что увлечена таблицами, графиками и неудачными попытками прогнозирования.

Прошло совсем немного времени, когда послышался голос с испанским акцентом:

– Что-нибудь желаете, мэм?

Грейс подняла голову и улыбнулась низенькому, полному официанту лет пятидесяти. На маленькой латунной пластинке у него на груди было выгравировано его имя: *Мигель*.

– «Негрони»² со льдом, пожалуйста. Джин «Хендрикс», если он у вас есть, – заказала врач.

– Конечно, есть, мэм.

– Отлично. Спасибо.

– Что-нибудь из еды, мэм?

– Гм... У вас все еще готовят тосты с сыром?

– Конечно.

– Тогда тост с сыром и «Негрони».

Одарив Мигеля еще одной улыбкой, дама снова сделала вид, что изучает финансовые документы. Через несколько минут напиток и тост оказались у ее правой руки. Она кивнула и поблагодарила официанта, стараясь не переусердствовать.

Пригубить, откусить, еще пригубить.

Горьковатый вкус «Кампари» был великолепен. Он перебивал несбыточные финансовые надежды, а огуречный аромат шотландского джина усиливал наслаждение. В прошлом году Грейс подарила себе неделю во Флоренции, остановившись в слишком большом номере в «Четырех сезонах». В баре подавали коктейль под названием «Валентино», нечто похожее на классический «Негрони», но с более сильным ароматом огурца и чего-то еще, что Блейдс не могла определить. Она пообещала себе узнать рецепт, но до сих пор не сделала этого.

Такая занятая девочка.

Продолжая делать вид, что читает финансовые документы, психотерапевт вспоминала Флоренцию. В мыслях у нее мелькали картины, словно слайд-шоу.

Прыжок, который она совершила там.

Сразу после полуночи, в превосходном тосканском саду отеля.

Милый мужчина под пятьдесят по имени Энтони, британец, банкир, сдержанный и вежливый, хотя и некрасивый. Трогательно удивился, когда в баре она ответила на его взгляд вздернутой губой и взмахом ресниц своих темно-карих глаз.

Потом все остальное – бедняга кричал, что любит ее, когда кончил.

Предполагая, что утром он попытается отыскать ее, Грейс пораньше выписалась из отеля, проехала по тосканским магазинам и купила себе кое-что из недорогого «Прада». А потом отправилась в Рим, где ела соленую треску и феттучини с вяленой говядиной в старом еврейском гетто и готовилась к одиннадцатичасовому перелету. Дом, милый дом...

Страждущие нуждались в ней. Энтони справится.

* * *

Грейс читала, пила коктейль и грызла тост в холле «Опуса» ровно пять минут, а потом подняла голову, сделала вид, что сдерживает зевок, и, стараясь, чтобы ее глаза и голова по возможности оставались неподвижными, оглядела помещение.

Рядом с роялем расположились четыре бесполезных компании: три из трех человек, по виду бизнесменов, и одна из четырех парней, скорее всего, компьютерных гениев, которые были гораздо богаче, чем можно было предположить по их одежде.

Справа от доктора Блейдс сидели две одинокие женщины. Одна – блондинка лет шестидесяти, но не утратившая привлекательности, возможно, равнодушная к спиртному, с огром-

² Название коктейля, составленного из джина и вермута.

ными сиськами, грозящим меланомой загаром и платиновыми волосами, которые словно излучали свет. Все это было упаковано в маленькое черное платье без рукавов, открывавшее стройные, но жилистые ноги и покрытую темным загаром и россыпью веснушек ложбинку между грудей. Вид женщины буквально кричал: *Кто-нибудь, трахните меня! Быстрее!* Грейс подумала, что в конечном итоге эта дамочка добьется своего.

Вторая женщина была обыкновенной, в коричневом костюме, который ей не шел. Как и Блейдс, она читала что-то похожее на документы. Но, в отличие от нее, по-настоящему.

И последнее, но самое главное. Слева от Грейс сидели две возможные цели.

Одинокие мужчины.

Первым был очень высокий черный парень с похожими на ходули ногами, вероятно, бывший спортсмен. Перед ним стояла диетическая кола. Он заметил Грейс, и в его глазах вспыхнул огонек интереса, но лишь на мгновение – парень отвел взгляд вправо и встал, встречая внезапно появившихся красавицу жену и дочь лет десяти. Последний глоток колы – и Счастливый Семьянин удалился.

Второму обладателю Y-хромосомы было не меньше восьмидесяти. Блейдс не привлекали слишком зрелые мужчины – много лет назад в Нью-Йорке она подцепила французского хирурга, который был в два раза старше ее, и он оказался добрым, понимающим и гораздо более умным, чем любой из тех парней, с которыми она встречалась. Но терпение, нежность и маленькие голубые таблетки – это совсем не то, чего она жаждала сегодня.

При условии, что цель появится.

* * *

Следующие двадцать две минуты никто не появлялся, и Грейс, потягивая напиток и перейдя к второй брошюре, задумалась, не поменять ли дислокацию. Наверное, стоит вернуться в Западный Голливуд, в один из вызывающе роскошных отелей, выстроившихся вдоль бульвара Сансет. Если же это не сработает, можно устроиться в безнадежно устаревшем коктейльном зале, где собираются бездельники из трастовых фондов.

Или смириться с невезением.

Прошло еще немного времени, и она уже готовила себя к тому, что ничего не выйдет, когда подняла голову и увидела его.

Глава 5

Вид у него был немного растерянный, и он довольно долго колебался, пока не выбрал кресло по диагонали от наблюдательного поста Грейс.

Такого же возраста, как она, или чуть старше, среднего роста, приятная внешность, черные волосы слегка длинноваты – скорее из-за пренебрежения стрижкой, чем намеренно. Одет в твидовую спортивную куртку, слишком теплую для Лос-Анджелеса, голубую рубашку на пуговицах, мятые брюки цвета хаки и коричневые кожаные туфли.

Куртка была мешковатой. Брюки напозлази на туфли. Но все это не было притворной небрежностью выпускника частной школы. Он не был похож на человека, который проводит много времени перед зеркалом.

У Блейдс появилась надежда.

Она продолжала читать, бросая взгляды поверх буклета. Мужчина взял карту напитков у официантки – смена Мигеля закончилась, и теперь гостей обслуживала цыпочка в мини-юбке. Судя по ее позе, эта девушка была настоящим асом флирта в расчете на чаевые.

С этим парнем она старалась зря: он даже не посмотрел на нее.

Похоже, все будет просто.

Просмотрев меню, мужчина отложил его, опустил в кресле пониже, прищурился, глядя в пространство, закрыл глаза и, похоже, задремал.

Цыпочка вернулась с пивом, по-прежнему демонстрируя свое тело. На этот раз посетитель посмотрел на нее, слабо улыбнулся и расплатился – он давал понять, что больше ничего не будет заказывать. Не хочет, чтобы его беспокоили?

Возможно, потому что после одного глотка он снова закрыл глаза.

Через несколько секунд мужчина снова отхлебнул из бокала. Грейс наблюдала за ним, прикрывшись брошюрой. На этот раз его глаза остались открытыми, и им как будто овладело беспокойство. Тогда она опустила брошюру, пригубила свой «Негрони» и скрестила ноги – так чтобы были видны смуглая лодыжка и один дюйм бедра.

Красно-коричневая туфелька повисла на пальцах и принялась раскачиваться – замшевый маятник.

Блейдс откинулась назад, чтобы серое платье поднялось еще немного. Это привлекло внимание Твидовой Куртки. Он посмотрел на женщину, потом отвел взгляд, а затем снова принялся рассматривать ее. Она же делала вид, что увлечена деривативами.

Он взял бокал обеими руками и сделал большой глоток, а затем пальцем смахнул пену с губ. Посмотрел на палец, вытер его о бумажную салфетку.

Грейс перевернула страницу, коснулась губами коктейля и повернула голову, заметив, как незнакомец поспешно отводит глаза. В следующий раз ей удалось поймать его взгляд. Пару секунд она смотрела ему в глаза, а потом притворилась, что не делала этого, и продолжила его игнорировать. Сменила положение ног.

Потом выпрямилась и слегка выгнула спину, чтобы кашемировое платье плотно обтянуло ее тело.

Мужчина допил пиво – теперь его бокал был пуст. Он отбросил волосы со лба, но прядь вернулась на место, и ему пришлось стряхнуть ее назад еще раз.

Блейдс читала, покачивая другой туфелькой, а потом плавно повернула голову, продемонстрировав каскад волос. После этого, пригладив каштановое цунами, отвернулась от объекта своего внимания.

И снова повернулась к нему.

Их взгляды опять встретились.

На этот раз она не притворялась, что смотрит куда-то еще – на ее лице застыло безразличное выражение. Мужчина явно смутился, что его поймали.

Доктор улыбнулась.

Он благодарно улыбнулся в ответ. Взял бокал. Понял, что тот пуст, посмотрел на Грейс и пожал плечами.

Она рассмеялась.

Слуха у Блейдс не было, но природа подарила ей приятный голос – на полтона выше контральто, тягучий, как крем. Не менее обворожительным был ее смех во время Прыжка – хрипловатый взрыв веселья, который мужчины находили неотразимым.

Убедившись, что ее смех перекрывает гул голосов, она осушила свой бокал, подняла его и приветливо улыбнулась.

У меня тоже, дружок.

Теперь настала его очередь рассмеяться. Он сделал это слишком тихо, чтобы можно было услышать, но его губы растянулись в приятной улыбке.

Полные, красиво очерченные губы. Грейс была готова поспорить, что мягкие.

Теперь, когда у нее появилась возможность получше рассмотреть этого человека, она поняла, что он красив. Нельзя сказать, что это имело какое-то значение. Энтони во Флоренции был похож на жабу, но тело Блейдс тогда пело.

Внезапно объект засмутился и отвел взгляд.

Очень трогательно.

Красавчик – несомненно. Но не воплощение грубой мужественности, с тяжелой челюстью и выступающими надбровными дугами. Скорее... каждая черта ничем не примечательна, но все вместе они образуют изящную композицию. Симметричную. А в основе – привлекательность, сведенная к симметрии.

Наверное, некоторые женщины назвали бы его внешность мальчишеской. Некоторые западают на такой тип.

Следующие четыре минуты Грейс чередовала взгляды в глаза, за которыми следовали дружелюбные улыбки, с другими, нейтральными.

Пальцы объекта начали барабанить по столу, а голова слегка покачивалась в такт этому стуку.

Танец начался.

Потом вернулась Цыпочка – чтоб ей провалиться! – и спросила, не хочет ли он повторить. Незнакомец уже собрался отрицательно качнуть головой, но посмотрел мимо официантки на Грейс.

Та подняла свой бокал и покрутила ладонью свободной руки.

Какого черта, давай оба повторим!

Мужчина что-то сказал Цыпочке, заплатил за два напитка и указал на Грейс. Цыпочка повернулась, увидела доктора Блейдс, нахмурилась и ушла.

Теперь объект открыто смотрел на Грейс, даже не притворяясь бесстрастным. Она пома-нила его согнутым указательным пальцем.

Он ткнул себя в грудь.

Кто, я?

Когда он подошел к ее столу, его дыхание уже участилось.

Женщина похлопала по дивану рядом с собой.

Он сел.

– Спасибо.

Чудесный голос, глубокий и мягкий. Немного дрожит – не привык к такому.

Лучшего Грейс и придумать не могла бы.

Глава 6

Ложь Грейс была тщательно подготовлена.

Ее звали Хелен, она работала «в области финансов» и приехала в Лос-Анджелес на конференцию. Когда мужчина поинтересовался темой этой конференции, она улыбнулась:

– Поверьте, вам будет неинтересно. Разве что вы хотите мгновенно заснуть.

Он рассмеялся.

– Нет, я предпочту бодрствовать.

– Ладно, теперь ваша очередь. – Блейдс тряхнула волосами.

– Будет скучно.

Улыбка Грейс была ослепительной.

– А это уж мне решать.

* * *

Его звали Роджер, он был инженером-строителем и приехал в Лос-Анджелес на совещание по поводу «корпоративного проекта – поверьте, вам будет неинтересно».

Фраза предназначалась для создания непринужденной и доверительной атмосферы, но Роджер вдруг помрачнел.

– Сложный проект? – спросила Грейс.

Его лицо напряглось, а улыбка, которую он пытался удержать, стала вымученной.

– Нет, нормальный – обычный.

Женщина ждала.

Ее новый знакомый отхлебнул пиво из бокала.

– Наверное, я немного... Это джетлаг³. Простите.

– Долгий перелет?

– А разве в наши дни бывают короткие?

– Не любите безвкусную еду и когда с вами обращаются, как с преступником, да? Вы придиричивы?

Грейс сложила пальцы в виде пистолета и направила на мужчину, а затем, опуская руку, позволила кончикам пальцев скользнуть по его брюкам, коснувшись коленной чашечки. Контакт длился меньше секунды, но Роджер почувствовал его и опустил взгляд.

Женщина взяла свой бокал. Лицо ее было абсолютно невинным. Плечи у ее собеседника опустились, губы пересохли.

Он снова принялся за пиво. Позволил взгляду скользнуть к ее ногам, а потом заставил себя оторваться от этой соблазнительной картины. Грейс сунула финансовую чепуху в портфель, после чего сделала вид, что обнаружила, какое количество ее обнаженной кожи открыто взглядам, и одернула платье. Под тонкой тканью платья отчетливо выделялись груди. Соски затвердели, чего нельзя было не заметить.

Адамово яблоко инженера Роджера дважды дернулось вверх-вниз. Голубые глаза с расширенными зрачками передавали невербальное сообщение: серьезный интерес.

Миссия выполнена.

Он прочистил горло.

– Значит... спасибо за компанию, Хелен.

– И вам, Роджер.

³ Джетлаг – синдром смены часового пояса, десинхрония.

– Это немного... – Мужчина покачал головой.

– Что, Роджер?

Он пожал плечами.

– Это очень мило.

– Мило, но вы не это хотели сказать.

Роджер отвел взгляд.

Грейс коснулась его плеча.

– В чем дело?

– Ни в чем. Честно. Хотите еще?

Блейдс не притронулась к второй порции «Негрони». Она указала на свой бокал и улыбнулась.

Инженер покраснел.

– Мистер Наблюдательность... Я хотел сказать... У меня такое чувство... Ладно, мне кажется, что я не в своей весовой категории.

– Мило.

– Нет, я серьезно.

– А какая у вас весовая категория, Роджер?

– Если честно, то никакая. – Мужчина покачал головой и поставил бокал. – Кажется бессмысленным, да? Это прозвучит глупо, но я не делаю этого в порядке вещей.

Странная, почти архаичная фраза. На этот раз улыбка Грейс отражала незапланированное удивление.

– Не делаете чего?

– Не разговариваю с чужими женщинами... О черт, простите, я не так выразился... С незнакомыми... – Пальцы инженера задрожали, почти по-женски. – Я в этом не очень силен.

Блейдс накрыла его ладонь своей и не убирала руку. Прикосновение заставило его вздрогнуть.

– Тут нет ничего такого, мы просто разговариваем, – сказала женщина.

Роджер прикусил губу, и Грейс подумала, что он сейчас уйдет. Может, она перестаралась и все испортила?

Он расслабился. Взял свой бокал и поднял, салютуя:

– За вас, Хелен.

Врач отпустила его руку. Он пил, а она делала вид, что пьет. Они сидели рядом, не слыша фоновой музыки и не обращая внимания на остальных людей. В конце концов Грейс проглотила несколько капель «Негрони». Думая о «Валентино» из Флоренции. Думая о них обо всех. С любовью.

Роджер допил пиво. Подавил отрыжку. Поморщился и пробормотал:

– Как все гладко. Черт, это...

– Ненавижу гладкость, Роджер.

– Правда? – Речь мужчины немного замедлилась. – Почему же?

– Потому что гладкость – просто еще одна форма обмана, Роджер. Как харизма. А что может быть хуже харизмы?

Инженер вздрогнул. Посмотрел вверх.

– Согласен, харизма – отстой. – Голос у него стал более звучным. Как будто замечание Грейс наполнило его энергией.

– Совершенно, верно, Роджер. Вы интересуетесь политикой? – спросила женщина.

– Боже упаси! – с неожиданным жаром воскликнул он. – Пытаюсь держаться от нее подальше.

– Свободны?

– Прошу прощения?

– Никаких серьезных обязательств?
– Никаких. Политических и личных.
– У меня тоже. – Блейдс показала руки, на которых не было колец. – Так я гарантирую себе приятную компанию после скучного рабочего дня.
– Надеюсь, я не испортил вам вечер, – рассмеялся мужчина.
Грейс выдержала паузу.
– Многовато извиняетесь, Роджер.
– Я? Прост... – Он замер. А потом расхохотался.
Блейдс снова провела ногтями по его колену, накрыла ладонью его руку и сжала пальцы. Он провел кончиком языка по верхней губе, а на шее у него начала пульсировать жилка. Будем считать это признаком искренности – вегетативную нервную систему не обманешь.
Грейс выдержала паузу, а потом прошептала:
– Роджер?
Он наклонился вперед. Никакого лосьона после бритья – только свежий запах мыла и воды.
– Да?
– Вы не проводите меня до машины?
– Прошу прощения?
Женщина снова сжала его пальцы.
– Сегодня был длинный день. Вы меня проводите?
Она встала и взяла сумочку с портфелем. Роджер остался сидеть, глядя на нее снизу вверх – лицо его напоминало жалкую маску разочарования.
Растерянный и милый, как подросток. Грейс почти пожалела его.
– Если это слишком обременительно, Роджер...
– Нет, нет, никаких проблем. – Он все еще сидел.
– Я не собираюсь отправляться в пешее путешествие, Роджер. Всего полквартиры. Осторожность девушке не помешает.
Мужчина вскочил. Покачнулся, развернул плечи и выпрямился.
– Разумеется. С удовольствием. Идемте.
Грейс взяла его под руку и почувствовала, как по его бицепсу пробежала дрожь. Превосходная мускулатура – он сильнее, чем кажется.
Они вместе вышли из холла.
Никто не обратил на них внимания.

* * *

Короткая прогулка прошла в молчании. Роджер был озадачен и пытался это скрыть, украдкой поглядывая на свою спутницу и стараясь понять ее поведение. При этом он старался идти в ногу с Грейс. Она проверила это, то замедляясь, то ускоряясь, то снова замедляясь.
Он мог сомневаться, но не больше секунды, и всегда подстраивался под нее. Молодец.
Если ты и не умеешь танцевать, Роджер, то быстро учишься.
Когда они приблизились к муниципальной парковке, Блейдс крепче сжала его руку. Мужчина поморщился, сбился с шага, но довольно ловко исправился, хотя и не полностью восстановил равновесие, когда они входили в здание.
Быстрый взгляд вниз, а потом еще более быстрый в сторону, выдали причину его заминки.
Брюки цвета хаки были неважным прикрытием для этой чудесной выпуклости. Грейс еще больше замедлила шаг, наслаждаясь.
Она направилась к лифту.

– Моя машина наверху. Вы подниметесь со мной, Роджер?

– Конечно, без проблем.

Пройдя мимо лифта, женщина повела своего сопровождающего к лестнице и прижималась к его руке, пока они шли по ступенькам.

– Вот здесь. – «Астон Мартин» Блейдс оставила этажом выше.

Она повела инженера в самый темный, пустой угол, затащила на свободное место, прижалась спиной к стене и тряхнула головой – так, чтобы волосы упали на лицо, а затем раздвинулись, позволяя увидеть жар ее глаз.

Грейс хорошо знала эту парковку. Каждое машино-место было снабжено бетонным ограничителем. Превосходная подставка для ее правой ноги. Она подняла эту ногу почти перпендикулярно левой.

Геометрическая Женщина. На первый взгляд странная поза.

Красивые голубые глаза Роджера общаривали помещение. Абсолютно растерянные.

– Спасибо, вы настоящей джентльмен, – сказала Грейс.

– Но здесь нет машины...

Врач обхватила ладонями лицо мужчины и поцеловала его – сначала нежно, потом страстно. Он сопротивлялся всего долю секунды, прежде чем сдаться. Ее язык без труда проник между его губ.

Роджер таял, словно безе. Его ладонь несмело легла на ее плечо, а вскоре переместилась на грудь. Блейдс придвинулась ближе, показывая, что он на правильном пути.

Он легонько сжал ее грудь.

Чудесное, нежное прикосновение, Роджер. Кажется, ты будешь победителем.

Расстегнув ему ширинку, женщина высвободила его член и медленно погладила. У Роджера перехватило дыхание. Закрыв глаза, он принялся нащупывать подол серого платья. Но Грейс опередила его, резко дернув вверх мягкую ткань, чтобы открыть бедра. Не меняя положения ног – правая согнута, левая прямая, – подалась навстречу его пальцам.

Она подставила себя его ласкам, направляя его руку. Его глаза широко раскрылись, круглые и яркие, как у испуганного ребенка.

Натуральный голубой цвет. Роджер не пользовался линзами.

Грейс задавала ритм, одной рукой обняв его за шею – сначала медленно, потом все быстрее и быстрее.

– О боже... – прошептал он и закрыл глаза. Блейдс крепко обняла его и еще больше ускорила. – О... боже. – Слабый, прерывающийся голос, растерянный, испуганный, иступленный.

Похоже, он снова колебался.

Ее ладонь легла на его ягодицы.

– Давай, Роджер, – прошептала она ему на ухо.

Он подчинился. Как и все они.

Чудесный Прыжок в расплавленное золото. Мужчина задрожал, и из его горла вырвался глухой звук – благодарность и одновременно победоносный боевой клич. Грейс жадно поцеловала его, удерживая губами сверху и снизу. Она ждала его оргазма.

Простая вежливость. Она в нем больше не нуждалась, так как кончила на несколько секунд раньше.

Глава 7

Когда дыхание Роджера выровнялось, а эрекция ослабла, Грейс разомкнула объятия, поцеловала его в щеку и застегнула молнию на его брюках. Он не открывал глаз. Вернув серое платье на место, она взяла его за руку и держала ее, пока не почувствовала, что пульс замедлился.

– Роджер?

Веки мужчины затрепетали, словно не хотели открываться. Губы его тронула легкая улыбка. Он выдохнул, и Блейдс почувствовала, как он освобождается от ее чар.

– Спасибо, Роджер. А теперь мне действительно пора идти, – сказала она.

– Твоя машина...

Палец, прижатый к его губам, заставил его умолкнуть. Коснувшись губами кончика его носа, Грейс взяла его за плечи и повернула лицом к лестнице – так продавец устанавливает в витрине манекен.

– Хелен? – Голос инженера был хриплым. Жалобным.

– Я очень рада, что встретила тебя, Роджер. Удачи с твоим проектом.

– Ну да. – Он снова поморщился. Страшился того, что привело его в Лос-Анджелес? Слегка подтолкнув его, женщина стала смотреть, как он делает несколько неуверенных шагов.

Он остановился. Оглянулся на нее.

– Доброй ночи, Роджер.

Пытаясь сохранить достоинство, мужчина неестественно широким шагом пересек парковку, распахнул дверь на лестницу и исчез.

Грейс укрылась в тени и, выждав несколько секунд, стала подниматься по пандусу к своей «Астон Мартин». Садясь в машину, она почувствовала, как ее сердце наполняется силой и радостью. Самая приятная разновидность дежавю: повторение триумфа.

Ее дни были заполнены заботой о других, и она *заслужила* это чудесное ощущение. Чувствовать себя *собой* – независимой личностью, которую отделяет от остальной вселенной кожа, границы сознания, всплески чувств и наслаждения.

Непредсказуемые Прыжки в бездонные пропасти возможностей.

* * *

Она выехала с парковки, слушая Баха и улыбаясь.

Еще одно очко в пользу интуиции. За все время ее многочисленных Прыжков она всего лишь два раза подвергалась опасности.

Первый раз объектом оказался неуклюжий болван, банкир в костюме за три тысячи долларов, в колледже игравший в футбол и по-прежнему считавший себя неотразимой горой мышц. Начал он мирно, но потом увлекся, глаза его налились кровью, и большие ладони потянулись к шее Грейс.

Чем они больше, тем грубее...

Блейдс оставила его корчиться на земле.

Вторым, действительно опасным, пошатнувшим ее уверенность в себе, был стройный, длинноволосый, похожий на меланхоличного поэта атташе венгерского посольства, которого она встретила в отеле «Уорвик» в Нью-Йорке и который ухитрился незаметно для нее подать сигнал своему приятелю. Когда этот приятель появился в узком переулке и попытался устроить групповое развлечение, не спрашивая согласия Грейс, она испытала непривычное чувство страха.

Нельзя сказать, что это было так уж неприятно. Однако...

Опасная была ситуация, но все закончилось благополучно, и женщина решила, что это будет для нее полезным уроком. Оба венгра после этого какое-то время вряд ли могли нормально ходить, и нанесенный им ущерб доставил ей удовольствие.

Довольно быстро она нашла другой объект. Снова вскочила в седло.

Всего две неудачи на столько попыток, хотя возбуждала ее именно неопределенность. Психосексуальные вопросы заглушались ощущением уверенности, и это состояние немного напоминало нирвану, в которой Грейс ощущала себя одновременно хозяйкой и рабыней.

Уходящие мужчины оставляли ей ощущение самодовольства, сходное с религиозным фанатизмом – земля летела, вертелась и крутилась в точном соответствии с желаниями доктора Блейдс.

Теперь, уносясь на запад по бульвару Уилшир, она выглядела хорошенькой испорченной молодой женщиной, бросавшей короткие взгляды по сторонам через затемненные стекла непрacticной и жутко дорогой черной машины.

Впереди ждали дом на песке и самая чудесная ночь сна, которую только можно себе представить.

* * *

Через двадцать восемь минут после расставания с Беверли-Хиллз «Астон Мартин» уже неслась по прибрежному шоссе. Океан на западе вздымался серыми гребнями на фоне черного шелка, горы на востоке походили на бесконечный шоколадный батончик.

Грейс не закрывала глаза и не слишком превышала скорость. В этот час шоссе было почти пустым, и машина без помех мчалась к ее домику из дерева и стекла на Ла-Коста-Бич.

Малибу, ставший синонимом красивой жизни, на самом деле был провинциальным городом, и спать здесь ложились рано. На дороге женщине попадались редкие полуприцепы, везущие товары из Окснарда, несколько легковых автомобилей, а также патруль дорожной полиции, который целую милю висел у Блейдс на хвосте, а потом обогнал ее и умчался прочь.

Дурак в полицейской форме выпендривался. Когда он скрылся из виду, красно-коричневая туфелька Грейс вдавила педаль газа, позволив машине делать то, для чего она была предназначена. После того как Блейдс выехала с парковки, «Айпод» переключал музыку в произвольном порядке, развлекая ее самыми разными мелодиями: за «Перекрестками» Стиви Рея Вона последовал «Лунный свет» Дебюсси, а потом «Я знаю, где» группы «Стэпл сингерс». Когда доктор подъезжала к дому, включился привет из пятидесятых – «Малышка» квартета «Даймондс».

Одна из любимых вещей Малкольма. Ему нравилась самая разная музыка – как и Грейс.

Малкольм... Показался дом, и взгляд ее стал жестким. Она свернула с шоссе, пультом дистанционного управления открыла дверь гаража и заехала внутрь.

Выключив двигатель «Астон Мартин», закрыла дверь гаража, но не выходила из машины, пока не закончилась песня.

Пародия в стиле ду-уоп пятидесятилетней давности в исполнении группы аккуратных канадцев, превратившаяся в их главный хит. Все это Блейдс знала задолго до того, как пришло ее время, потому что ей рассказал об этом Малкольм. Это был урок, как по прошествии многих лет поняла Грейс.

Жизнь предсказуема лишь до определенной степени.

– Плюс, – сказал он ей, – когда бас отбивает этот очаровательный ритм, это ужасно смешно.

После того как прозвучало финальное «ча-ча-ча», доктор вылезла из машины, напевая мелодию, хотя при этом она прекрасно понимала, что жутко фальшивит.

Усмехнувшись, достала сумочку и портфель из багажника, вышла из гаража и танцующей походкой преодолела пять футов дорожки, ведущей к парадной двери.

Повернуть ключ, выключить сигнализацию. Дом, милый дом...

Как всегда, она не стала включать свет в доме, за исключением одной слабой лампочки, желтый свет которой заливал террасу с той стороны дома, что была обращена к океану. Просевшие доски из красного дерева парили в десяти футах над песком, поддерживаемые пропитанными креозотом сваями. Слабый свет падал на воду за домом, подчеркивая тот удивительный факт, что Грейс жила на краю континента. Света было вполне достаточно, чтобы дойти до того места, где она спала.

По пути она разделась и до своей кровати добралась голая и замерзшая, но довольная днем, прожитым на полную катушку.

Грейс могла бы мгновенно заснуть, но не стала нарушать заведенный порядок и позволила в телефонную службу – проверить, нет ли для нее сообщений. Никогда нельзя забывать о них.

Ничего. Превосходно. Она напомнила оператору, что на следующей неделе ее кабинет будет закрыт.

– У нас все записано, доктор Блейдс. Приятно провести время, – отозвался тот.

– И вам, – пожелала в ответ врач.

– Спасибо, доктор Блейдс, – сказал оператор. – Вы всегда так внимательны.

* * *

Запахнувшись в желтое шелковое кимоно, Грейс не без труда собрала постриженные волосы в короткий «хвост», несколько минут посвятила растяжке, а затем выполнила сорок «женских» отжиманий. После этого она принялась чистить зубы, одновременно обходя свой дом. Это не заняло много времени – здание площадью шестьсот двадцать квадратных футов на тридцатифутовом участке было меньше любого другого дома в Ла-Коста-Бич. Но Блейдс была одной из немногих, кто жил здесь постоянно, и большинство «трофеев» по соседству остались пустыми.

В прошлой жизни это был домик для прислуги. Скромное строение из дерева и стекла на ставшем драгоценным кремнеземе Малибу было условно поделено на гостиную, кухню и закуток для узкой кровати. Единственным отгороженным помещением была кабинка из стекловолокна, в которой с трудом помещалась ванна на львиных лапах и подставка для душа, установленная Грейс вскоре после того, как она стала здесь хозяйкой.

Кроме этого, доктор Блейдс почти ничего не переделывала в доме, предпочитая белое на белом, потому что выбор цветовых оттенков считала ненужной суетой, а все остальные цвета казались ей неуместными, когда все окна заполнял синий океан. Даже пол был белым – она сама укладывала ковровое покрытие, слишком пушистое по нынешней моде, но приятно ласкавшее щиколотки.

В самом доме не было ничего примечательного, но потолок с асимметричными балками, достигавший двенадцати футов в самой высокой точке, визуально увеличивал пространство и немного оживлял его. Хотя Грейс удовлетворилась бы и совсем скромным помещением – она любила забираться в «норку».

В память о том, как она пряталась на самом виду.

Рыночная цена домика теперь приближалась к трем миллионам долларов, но для Блейдс эта статистика не имела смысла – она не собиралась уезжать отсюда. И развлекать гостей – тоже. Еще одна причина не тратить время и деньги на внутреннее убранство.

За те четыре года, что психотерапевт жила в этом доме, в нем не побывал ни один человек, за исключением водопроводчика, электрика и монтажника кабельных сетей. Приветливо встретив их, Грейс брала книгу и удалялась на террасу.

Это не остановило явившегося в прошлом году парня из кабельной сети – с внешностью серфера и гнусавым голосом, – который пытался флиртовать с ней, считая себя асом в этом деле.

Она вручила ему бутылку пива и выставила вон.

Не прокатило, пижон.

Дом находится там, где сердце, а сердце у нее – это комок мышц, которому никто не нужен.

* * *

Набрав ванну, Грейс погрузилась в воду, досчитала до тысячи, а потом тщательно вытерлась полотенцем, достала портфель и проверила расписание приема на завтра.

Легкий день перед отпуском: шесть пациентов, три до полудня и три после, причем у всех, кроме одного, повторные визиты. Один – новичок, которого предупредили, что она скоро уедет, но он все равно записался. Возможно, случайная «консультация» – такое тоже бывает.

Лежа в постели, Грейс планировала завтрашний день. Утро начнется с печальных глаз двадцативосьмилетней женщины по имени Беверли, муж которой умер от редкой формы рака соединительной ткани. Он болел почти все время, когда они были вместе, и через четырнадцать месяцев после свадьбы болезнь победила. Теперь Бев снова собиралась замуж и перед вторым браком специально прилетала из Орегона.

Это не просто предсвадебное волнение. Грейс была готова ко всему. Дальше.

Пациентом номер два был шестидесятичетырехлетний мужчина по имени Рузвельт, жену которого убил вооруженный грабитель, ворвавшийся в их винный магазин на юге Лос-Анджелеса. Здесь главная проблема – чувство вины, потому что в ночную смену всегда выходил Рузвельт, а в тот день его заменила Лукреция, чтобы он мог встретиться со старыми товарищами по университетской футбольной команде.

Несчастливая женщина получила пулю в голову через несколько минут после того, как пришла в магазин. Шесть лет назад. Лечение Рузвельта длилось три года. Грейс помнила дату убийства. Сейчас наступала очередная годовщина.

Рузвельт был милым человеком – тихим, вежливым, трудолюбивым. Грейс он нравился. Хотя ее чувства не имели значения. При необходимости она успокоила бы и росомеху.

На третий сеанс должна была прийти супружеская пара, Стэн и Барб, сын которых по имени Йен покончил с собой. С его стороны это не было отчаянным криком о помощи – он решительно вспорол артерии и быстро истек кровью. К концу процесса парень добрался до спальни родителей, сумел включить свет и замертво рухнул перед людьми, которые дали ему жизнь.

Грейс видела медицинскую карту бедного мальчика – явные свидетельства прогрессирующей шизофрении. С точки зрения врача, в его поступке не было ничего удивительного, но это не уменьшало ужас, который испытывали его отец и мать. Воспоминания, которые Стэн называл «садистским зудом». От них Барб всегда морщилась, и ее начинало подташнивать. Несколько раз она убегала в туалет для пациентов, где ее рвало.

Совершенно очевидно, что Стэн и Барб ничем не могли помочь мальчику – его мозг разрушался. Но они все равно изводили себя. Грейс потребовалось больше двух лет, чтобы ослабить их боль, и теперь сеансы стали реже – всего два раза в месяц. Пока все идет как надо.

Четвертым пациентом был Декстер, молодой человек, потерявший обоих родителей в авиакатастрофе. Обычное дело для малой авиации: неопытный пилот за штурвалом одномо-

торного самолета и, возможно, сердечный приступ. Тем не менее тут приходится иметь дело с океаном гнева.

Пятой была женщина, единственный ребенок которой, зачатый с помощью ЭКО, умер в младенчестве от редкой болезни печени. Грейс не хотелось углубляться в этот случай, потому что дети – это эмоции, а ей нужно было беречь себя, чтобы она могла быть полезной. Если она почувствует, что у нее не хватает опыта, то всегда может обратиться к Делавэру.

Последним – и, возможно, самым легким – был новичок, мужчина по имени Эндрю Тонер из Сан-Антонио, штат Техас, который ждал семь недель, когда в ее расписании появится окно. Теперь доктор подумала, что это не очень похоже на случайность. Хотя кто знает... завтра все выяснится.

Пока ей было известно, что его обращению она обязана самой себе: судя по тому, что записала служба регистрации, мистер Тонер наткнулся на одну из ее опубликованных статей. Отличную от тех работ, посвященных стрессу и психологической адаптации, которые они с Малкольмом выпускали на протяжении нескольких лет.

По настоянию Малкольма эту статью она написала одна.

Грейс считала данную публикацию – как и все остальные статьи – давно пройденным этапом, однако упоминание о ней кое-что говорило об Эндрю Тонере. Велика вероятность, что он вырос в ужасной семье.

Возможно, ему требовалось всего лишь разрешение порвать с какими-нибудь токсичными родственниками. Если так, то этот случай гораздо проще, чем у Бев, Хелен или бедных родителей парня, вскрывшего себе вены.

Блейдс знала это наверняка.

Вернув журнал записи пациентов в портфель, все еще разогретая ванной, она сбросила кимоно и направилась к стеклянным дверям, ведущим на террасу. Там выключила тусклую лампу, шагнула на выцветшие доски – и замерла, обнаженная и незащищенная, как новорожденный младенец.

Она стояла, впитывая успокаивающий рокот волн, накатывающих на берег, и их прощальный шелест, когда они пускались в обратный путь к Азии.

Вдруг что-то идущее от воды захлестнуло ее. Внезапный сгусток энергии... С Гавайев? Из Японии?

Грейс оставалась на террасе, пока это ощущение не прошло. Наконец она почувствовала, что у нее слипаются глаза, и вернулась в дом. Пора было уже проголодаться, но есть не хотелось. Она любила ложиться спать на голодный желудок. В этом у нее богатый опыт.

Разумеется, теперь голодный желудок можно было наполнить обильным завтраком. Жизнь приятна, когда ты сам себе хозяин.

Заперев стеклянные двери, врач легла в кровать, забралась под одеяло и натянула его на голову. И не забыла, как всегда, сунуть руку под пружину матраса, чтобы дотронуться до футляра из прочного черного пластика на ковре под кроватью. Он вселял в нее уверенность.

Дома она держала девятимиллиметровый «Глок», такой же, как у полиции. Незарегистрированный, в превосходном состоянии, как и пистолет 22-го калибра у нее в сумочке. Скорее всего, ни тот, ни другой ей никогда не понадобятся. Как и два револьвера «Смит-и-Вессон», которые она купила на выставке оружия в Неваде и спрятала в картотечном шкафу в своем кабинете.

Спокойной ночи, любимые орудия разрушения.

Свернувшись калачиком, Грейс сунула палец в рот и принялась жадно его сосать.

Глава 8

Она проснулась на рассвете, голодная, и через стеклянную дверь стала наблюдать за пеликаном, нырявшим в волны за своим завтраком. Вдоль линии прибоя бродили ржанки. Внимание Грейс привлекла черная точка, то появлявшаяся, то исчезающая в волнах. Женщина встала, завернулась в желтое кимоно и вышла на террасу.

Устремив взгляд туда, где она в последний раз видела черную точку, Блейдс ждала. Вот опять, в нескольких ярдах к северу... Калифорнийский морской лев медленно плыл по волнам, время от времени ныряя на глубину. Красивый, благородный хищник.

Грейс немного полюбовалась им, а потом сварила кофе и выпила первую из трех чашек, пока делала себе яичницу из четырех яиц с сыром, генуэзской сальсой, вымоченными в воде сушеными белыми грибами и душистым луком. Намазав маслом две булочки, врач съела все до крошки. В половине восьмого она была уже на шоссе, не сдерживая «Астон Мартин» и готовясь к встречам с пациентами, которыми будет заполнен весь ее день.

Бевкли, готовившаяся к свадьбе, была гораздо лучше одета и причесана, а также явно лучше владела собой, чем та молодая вдова с красными от слез глазами, которая впервые появилась в кабинете Блейдс. Тогда она вся дрожала и едва могла говорить. Сегодня утром ее глаза были ясными, и сердечность и ожидание перемежались в них со вспышками тайного жара – Грейс знала, что это признак вины.

Не слишком сложная задача: в тот момент, когда будущий муж должен получить свой официальный статус, бедняжка могла думать только о бывшем муже.

Когда Бев познакомилась с тридцатилетним пожарным Грегом из Портленда, он отличался невозмутимостью и непринужденностью человека, тело которого работает, как часы. А потом часы сломались.

Рак, отнявший у него жизнь, был той редкой формы, лекарства от которой не существовало. Бевкли видела, как тает муж.

Кто мог винить ее за то, что она утратила надежду? Грейс потребовалось много времени, чтобы убедить эту милую, добрую молодую женщину, что понятие «будущее» для нее тоже имеет смысл. Теперь Бев собиралась предпринять вторую попытку, и это отлично!

– Я не боюсь, доктор Блейдс. Думаю, я просто... волнуюсь. Ладно, хотите честно? Я напугана до смерти.

– Значит, вы во всеоружии, – сказала психотерапевт.

– Прошу прощения?

– Если вы в ужасе, это совершенно понятно, Бев. Все, что слабее ужаса, можно расценивать как героизм.

Бев смотрела на собеседницу во все глаза.

– Вы не шутите?

– Нет.

На лице пациентки отразилось сомнение.

– Когда вы начали волноваться? – Грейс намеренно избегала слова «страх». Менять контекст – это ее работа.

– Пожалуй... недели две назад, – сказала Бев.

– По мере приближения свадьбы.

Кивок.

– А вы можете утверждать, что до этого в основном были счастливы? – продолжила расспросы доктор.

– Да, конечно.

– Конечно...

– Я выхожу за Брайана. Он замечательный человек.

– Но...

– Никаких «но», – сказала Беверли и расплакалась. – Я чувствую себя неверной женой! Как будто изменяю Грегу!

– Вы любили Грегга. И, естественно, верны его памяти.

Клиентка всхлипнула.

– Для всех остальных Грег – просто память. Для вас – другой мужчина, – сказала врач. Эти слова вызвали новый поток слез.

Грейс позволила Бев немного поплакать, а потом наклонилась к ней, вытерла ей платком глаза и сжала ее руку. Когда пациентка тяжело вздохнула, психотерапевт посадила ее в кресло, придав ей позу, которая заставляла расслабиться.

В вопросах исцеления начинает тело, а разум идет следом. Так сказал ей Малкольм. Один раз, но она запомнила.

Прием сработал: лицо Бев расслабилось. Слезы высохли.

Блейдс подарила ей самую ласковую улыбку, на которую только была способна. Клиентка улыбнулась ей в ответ.

Посторонний человек мог бы принять их за двух хорошеньких молодых женщин, неприужденно болтающих в красивой, ярко освещенной комнате.

– Грег вас очень любил, и поэтому одну вещь мы знаем точно, – сказала Грейс, дождавшись нужного момента.

– Какую? – Бев смотрела на нее затуманенными от слез глазами.

– Он хотел, чтобы вы были счастливы.

Молчание.

– Да, знаю, – наконец произнесла молодая вдова. Это прозвучало как признание.

– Но это по-прежнему вас беспокоит.

Беверли не ответила.

Врач попробовала зайти с другой стороны.

– Может, не стоит думать, что Грег оккупировал все ваши чувства, а попробовать думать о нем как о партнере?

– Партнере в чем?

– В жизни, которая вас ждет, – сказала Грейс.

– Жизни, – выдохнула сидящая перед ней женщина. Как будто само это слово вызывало у нее отвращение.

– Давайте проясним. Ваши с Греггом чувства были очень глубокими, а такое не исчезает только потому, что этого требуют светские условности. Но это не делает вас неверной Грегу. Или Брайану.

– Тем не менее, – настаивала Бев, – я чувствую себя обманщицей. И вы правы – по отношению к ним обоим.

– К Грегу за то, что впустили радость в свою жизнь. А к Брайану потому, что думаете о Грее.

– Да.

– Это абсолютно логично, милая. Но попробуйте взглянуть на это следующим образом: вы трое – Брайан, вы и Грег – можете взяться за дело, как единая команда.

– Я... какое дело?

– Дело – это будущая жизнь Бев. Дело – это счастье, которого достойна Бев, – сказала Грейс. – Одобренное единогласным голосованием. – Она улыбнулась. – Кстати, я поддерживаю это предложение.

Клиентка поерзала в кресле. Поджала губы.

– Надо полагать.

Психотерапевт поняла, что перестаралась. Она позволила Беверли немного посидеть и подумать, а мышцы ее лица снова расслабились, хотя она и оставалась сидеть в той же позе, предприняла *еще одну* атаку.

– Формально ваша свадьба – это праздник. Но нет никакой нужды мгновенно переполняться радостью просто потому, что вы напечатали приглашения и люди будут сидеть в церкви. Эмоционально неразвитый человек сможет с этим справиться. Но вспомните, что я говорила вам в прошлом году: вы эмоционально развиты.

Молчание.

– Вы способны на глубокие чувства, Бев. Так было всегда, – продолжала Блейдс. – Вспомните истории, которые вы мне рассказывали, – как вы заботились о раненых животных.

В этом мы похожи, подруга.

Никакой реакции от клиентки. Наконец медленный кивок.

– Умение глубоко чувствовать – это достоинство, Бев. Это придает жизни смысл, и в какой-то момент ваше счастье будет больше, чем если бы вы просто плыли по течению.

Долгое молчание.

– Я очень на это надеюсь, – в конце концов произнесла вдова.

Грейс положила ладонь ей на плечо.

– Конечно, теперь вы этого не можете видеть. Никак. Но это произойдет, и в будущем вас ждет счастье, причем более глубокое, чем если бы вы не справились с собой прямо сейчас. Это будет здорово.

Беверли пристально посмотрела на доктора. А потом пробормотала:

– Спасибо.

Доктор Блейдс не убирала ладонь с ее плеча. Она слегка надавливала на него – так, чтобы Бев знала, что о ней заботятся. Что за нее переживают.

– Не торопитесь. Не бегите от своих чувств, – убеждала Грейс пациентку. – В конечном итоге вы почувствуете, что Грег с вами. Что он одобряет и хочет, чтобы вы были счастливы, потому что любящие люди так и поступают, без всяких условий.

Уголки губ Беверли слегка разъехались, словно их тянул за нитки кукольник.

– Вы страшный человек, доктор Блейдс.

Грейс слышала это много раз.

– Я? – невинно переспросила она.

– Я имела в виду, страшно умная. Как будто вы смотрите прямо сюда. – Вдова похлопала себя по груди.

– Спасибо за комплимент, Бев, но ум тут ни при чем. Все мои знания – результат стремления понять людей. – Доктор подалась вперед. – Потому что если отбросить шелуху, то мы все одинаковые. И в то же время уникальные. Никто не жил вашей жизнью, не думал то, что думаете вы, не испытывал ваших чувств. И при всем при том, будь я на вашем месте, я бы чувствовала то же самое.

– Вы? – Удивление.

Честным ответом было бы: *Кто знает?*

– Конечно, – сказала Грейс вслух.

– А что бы вы делали на моем месте?

Врач улыбнулась.

– Поговорила бы с кем-то страшно умным. Потому что всем нам время от времени нужна помощь.

Воспоминания о Малкольме. Софи. Новые ощущения, когда спишь в чистой, приятно пахнущей постели. Завтрак. Ужин. Робкие попытки обнять, хотя бы чуть-чуть...

Грейс пришлось учиться переносить прикосновения. Вспоминая все это, она улыбнулась – и хорошо, потому что улыбка в этот момент была уместна, чтобы Бев подумала, что она относится к ней.

Пациентка вздохнула и обхватила себя руками.

– Я понимаю, о чем вы, доктор Блейдс, но когда я вернусь домой... Это может быть трудно.

– Может. Но вы справитесь. Как всегда.

Беверли теребила пальцем нижнюю губу. На пальце у нее было кольцо со сколами бриллиантов. Брайан, помощник водопроводчика, пускал пыль в глаза драгоценностями от «Зейлс».

– Иногда вы говорите, что жизнь должна быть трудной, чтобы иметь смысл, – пробормотала клиентка.

– Я говорю, что когда мы справляемся со своими эмоциями – как вы, – то учимся доверять друг другу.

Если бы...

Бев долго молчала.

– Наверное, нужно просто плыть по течению, – произнесла она наконец.

Грейс не ответила.

– Ладно, – сказала женщина. – Я должна принять ситуацию такой, какая она есть, даже если это означает думать о Грее.

– Не гоните от себя мысли о Грее. Он столько для вас значил!.. Зачем изгонять его из своего сознания?

Пациентка снова задумалась. Лицо ее напряглось, словно она решала трудную задачу.

– Во время полета из Портленда, доктор Блейдс, я почти все время вспоминала. Одно воспоминание было особенно ярким. Просто врезалось в память. Это было на озере. Мы брали каноэ, и Грег катал меня. Он был таким сильным... Сплошные мускулы. Каждый раз, когда он взмахивал веслом, оно дрожало. Его кожа блестела на солнце. Иногда мы начинали наше путешествие в солнечную погоду, а потом начинался дождь, и он был весь в капельках пота и дождя – прямо сиял.

Бев вздохнула.

– Я сидела в каноэ, смотрела на него и... Я *хотела* его. Прямо там и тогда. В лодке. – Она покраснела. – Но мы ничем таким не занимались. Я ему не сказала.

Грейс улыбнулась.

– Вы не хотели раскачивать лодку. В прямом и переносном смысле. Для вас очень важно равновесие, а в данный момент вы его утратили, потому что жизнь совершает новый поворот.

Беверли удивленно посмотрела на психотерапевта, а потом улыбнулась.

– Я вас не просто боюсь, доктор Блейдс. Я благодарю Бога за то, что он привел меня к вам.

* * *

День продолжался с вселяющей уверенность предсказуемостью. Грейс понимала, что формально она молода, но иногда ей казалось, что она уже видела в жизни все. Но это ощущение не вызвало отвращения к работе, не навевало скуку. Наоборот, оно вдохновляло и успокаивало.

Именно для этого я и создана.

Тем не менее нужно следить за тем, чтобы уверенность не переходила в самодовольство. И она никогда не впустит Страждущих в свой мир, ни на миллиметр.

Дружелюбие – пожалуйста. Но не дружба.

Потому что дружба – ограниченное понятие. Приятели, товарищи, наперсники – то, что в учебниках называется системой социальной поддержки, – хороши при мелких эмоциональных неурядицах. При глубоких душевных травмах нужен хирург, а не цирюльник.

Взгляд на психотерапию как на *оплачиваемую* дружбу Грейс считала отвратительным клише. *Последнее*, в чем нуждались пациенты, – это сентиментальная, слезливая, исполненная благих намерений болтовня со слащавыми улыбками, искусственными паузами, фальшивой серьезностью обязательной симпатии и подобострастным механическим повторением банальностей.

Насколько я понимаю, вы говорите...

Затолкайте в горло пациента сахар, и он поперхнется.

Жулики, практиковавшие такой подход, были либо жадными до денег шарлатанами, либо просто теми, кто хотел самоутвердиться. Вот почему столько неудачников пытаются сделать карьеру – *кхе-кхе* – консультантов.

Некоторые Страждущие приходили к Грейс, ожидая зрительного контакта, преувеличенной, театральной *заботливости*, которые они видели в телевизионных шоу и популярных фильмах.

Я не мозгоправ, но разыгрываю его на телевидении.

Если от Блейдс ждали сочувствия, она мягко рассеивала эти ожидания, предлагая конструктивную реальность. За четыреста пятьдесят долларов в час вы заслуживаете чего-то большего, чем эмоциональный подгузник для взрослого.

Вы заслуживаете *взрослого человека*.

Взглянув на часы, Грейс заварила себе крепкий эспрессо и успела выпить его до того, как зажглась красная лампочка на стене.

Очередь Рузвельта. Внимательного, обходительного, вежливого. Достаточно старого, чтобы быть ее отцом.

Если б у нее был настоящий отец...

Грейс почувствовала, что у нее перехватило дыхание. Сердце ее затрепетало – вероятно, слишком много кофеина.

Она встала, пригладила волосы и выпрямилась.

Вперед.

* * *

К концу дня Грейс чувствовала необычную усталость. Со Стэном и Барб все оказалось немного сложнее, чем она предполагала. Они вошли в кабинет, враждебно настроенные друг к другу – такого психотерапевт еще не видела.

В расспросах не было необходимости. Супруги прямо заявили, что у каждого из них были увлечения на стороне и что теперь они разводятся. Они скрывали обоюдную неверность от Блейдс. Считали, что это не имеет значения, потому что все началось за много лет до самоубийства Йена.

Пара глупцов, верящих, что Йен ничего не знал, – ведь он был сумасшедшим, все так говорили.

Теперь брак распадался, несмотря на общее решение сохранить его, и Стэн с Барб злились.

На себя – за неудачу.

И в первую очередь за несчастливый брак.

И неизбежный переход: гнев на Йена, за то, что он пришел к ним в спальню и разбудил их, когда упал на пуховое одеяло, истекая кровью и расставаясь с жизнью.

Грейс не составило труда догадаться, что привело к распаду девятнадцатилетнего брака. Йена больше нет, а жизнь предназначена для того, чтобы жить, – если б она думала иначе, то поступила бы учеником к гробовщику.

Но теперь Блейдс задумалась о том, что еще могла пропустить.

– В общем, мы делим все пополам, и это решено, – заявил Стэн. – Логично и справедливо. – Он скрипнул зубами.

– Все кончено, назад пути нет, – бросила Барб.

Муж мрачно посмотрел на нее.

Доктор Блейдс знала ответ на свой следующий вопрос, но все равно задала его:

– Значит, вы думаете одинаково?

– Да.

– Да.

Жалкие лжецы. Тогда зачем же вы пришли?

Грейс спросила их об этом.

– Мы решили, что нам это нужно для окончательного расставания. Последние несколько лет вы были членом нашей семьи, а теперь семьи не будет.

Сначала им хочется развестись с Блейдс. Она улыбнулась про себя.

– Мы не хотим, чтобы вы думали, что не справились, потому что это никак не связано с Йеном, – объяснил Стэн.

– Абсолютно не связано, – кивнула Барб.

– Мы остались друзьями, – солгал ее муж. – Думаю, это само по себе достижение.

Чтобы доказать это, он взял жену за руку. Та нахмурилась, но сжала его пальцы, после чего поспешно отпустила их и отодвинулась.

– Вы идете дальше, и вы были так добры, что подумали обо мне, – сказала Грейс.

– Именно! – воскликнула Барб. – Прекрасно сформулировано. Идем дальше.

– Совершенно верно, – подтвердил Стэн, но с чуть меньшей уверенностью.

– Я благодарна, что вы подумали обо мне, и я желаю вам всего самого лучшего. И еще вы должны знать: я всегда к вашим услугам, – заверила их психотерапевт.

Можете мне поверить, ребята, в конечном итоге вы оба придете ко мне. По отдельности.

Документы будут подписаны, имущество поделено, но жизни этих двоих будут всегда связаны.

Йен об этом позаботился.

* * *

К тому времени, когда Грейс закончила предварительные записи в медицинских картах и загорелся сигнал, предупреждающий о последнем на сегодня пациенте, она уже планировала свой вечер.

Краткая остановка в рыбном ресторанчике около Дог-Бич ради палтуса с картошкой и коктейля «Сайдкар» в пластиковой кабинке подальше от бара. Сосредоточиться на еде и посылать сигналы мужчинам, чтобы они держались подальше.

Ах да, и салат на закуску. А может, не палтус, а камбала, если у них есть свежая. Или тарелка с гребешками и мягкокожими крабами. Потом домой, переодеться в шорты и футболку и пробежаться по темному пляжу. После пробежки – долгий душ и мастурбация под струей воды. Потом быстро просмотреть гору психоаналитических журналов, которая стала слишком высокой, а когда веки проиграют сражение с гравитацией – стаканчик спиртного на ночь или какая-нибудь чушь по телевизору.

Может, она подумает о красной комнате, а может, нет...

Зевнув, Грейс посмотрела на себя в зеркало встроенного шкафа, подправила макияж, аккуратно заправила белую блузку в черные слаксы и напредила себе, что она авторитетный специалист и готова принять мистера Эндрю Тонера из Сан-Антонио, который нашел в каком-то журнале ее довольно необычную статью. Написанную без Малкольма, но в его стиле, потому что Блейдс, поднаторевшая в статьях по психотерапии, ненавидела их и отказывалась вырабатывать собственный стиль. В самом начале ей не терпелось увидеть свое имя в числе авторов, и она внимательно читала каждую публикацию, но всякий раз находила стиль изложения сухим.

Малкольм, несмотря на все свои достоинства, тоже отличался типичным профессорским стилем и не смог бы увлечь читателя даже описанием столкновения с астероидом.

Для того чтобы непрофессионал обратил внимание на самостоятельный опус Грейс, требовалась мотивация.

И конечно, у Эндрю Тонера она была – ведь он приехал к автору заинтересовавшей его статьи из великого штата Техас.

Когда к ней обращались за помощью пациенты из других городов – не так редко, как можно было бы подумать, – они часто оказывались неисправимыми перфекционистами. Люди, которые могли набрать в «Гугле» «психологическое лечение последствий насилия» и часами читать ссылки.

Посмотрим, права ли она насчет мистера Эндрю Тонера.

Грейс прошла по пустому коридору, служившему для пациентов чем-то вроде декомпрессионного туннеля, улыбнулась и открыла дверь в приемную.

Перед ней сидел Роджер, мужчина, с которым она бездумно трахалась вчера вечером и от которого избавилась, получив удовольствие.

Теперь ей от него не избавиться. Никак.

Он посмотрел на нее и как будто съезжился.

Он. О, боже! Доктор Блейдс лихорадочно пыталась понять смысл происходящего. В результате... ничего.

Роджер/Эндрю тоже пребывал не в лучшем состоянии. Он остался сидеть с журналом на коленях, челюсть у него отвисла, а лицо стало мертвенно-бледным. Грейс почувствовала, что у нее непроизвольно открывается рот.

Копировать пациента? Раньше она такого за собой не замечала. Что *происходит*?

Уверенная улыбка, с которой она вошла в комнату, сменилась другой – застывшей, непроизвольной, идиотской. Врач заставила себя сомкнуть губы, не зная, что теперь выражает ее лицо.

Она чувствовала себя неуклюжей, неживой, словно восковая кукла. Она не знала, что сказать. Но даже если б ей удалось найти слова, они застряли бы в ее стиснутом спазмами горле.

Роджер/Эндрю, неотрывно смотревший на нее, шевельнул губами. Наружу вышел какой-то жалкий мышинный писк.

Блейдс бросило в жар. Потом в холод.

Эндрю и Грейс.

Роджер и Хелен.

Он тоже назвался чужим именем.

Руки и ноги психотерапевта стали ледяными.

Из окна донесся громкий звук. Мимо проехала машина с неисправным глушителем.

Обрадовавшись хоть какому-то отвлечению, Грейс стала ждать нового шума. Ничего. Она не могла сдвинуться с места. Словно парализованная.

Эта была новая ситуация, незнакомая, *пугающе* незнакомая.

Доктор вся взмокла. Поры ее кожи раскрылись. Капельки пота стекали из подмышек по грудной клетке.

Она *никогда* не потела.

Теперь ее грудь словно сдавило обручем, и ей стало тяжело дышать. Как будто огромный зверь уселся на ее диафрагму.

Эндрю Тонер смотрел на нее во все глаза. А она – на него. Два беспомощных... обидчика? Нет, нет, нет, она сильнее этого! Решение есть всегда.

Но оно не находилось.

Глупая девчонка.

красныйкрасныйкрасныйкрасный...

Грейс продолжала стоять в дверном проеме. Эндрю Тонер продолжал сидеть.

Оба погружались в океан стыда.

И снова он первым обрел дар речи.

– Боже мой... – хрипло пробормотал мужчина.

«Если Бог существует, он теперь покатывается от хохота», – подумала Грейс.

Ее ответ был блестящим:

– Ну...

Почему она это *сказала*?

Что она *могла* сказать?

Глупая девчонка. *Нет-нет-нет, я умная!*

И я никому не причинила зла *намеренно*.

Ни на йоту не веря в это, женщина призвала на помощь весь свой разум и заставила себя посмотреть прямо в красивые голубые глаза Эндрю из Сан-Антонио, штат Техас. Человека, который приехал к ней потому, что она могла сказать ему что-то ценное о... Та же твидовая спортивная куртка и мятые брюки цвета хаки, что и вчера вечером.

Рубашка другая.

Похоже, он чистоплотен. Да какая, к черту, разница!

Блейдс с трудом набрала воздух в непослушные легкие. Подумала, как сформулировать извинение.

Но он *опять* опередил ее:

– Мне очень жаль.

Ему-то за что извиняться?

– Вам лучше войти, – сказала Грейс.

Клиент не пошевелился.

– Правда. Это не конец света, – попыталась убедить его врач. – Мы должны это преодолеть.

Движимая надеждой и отчаянием, она направилась к себе в кабинет.

За спиной у нее послышались шаги.

Он идет. Подчиняется указаниям.

Как вчера вечером.

Глава 9

В пять с половиной лет Грейс уже умела хорошо прятаться.

В маленьком доме на колесах не было ниш или укромных уголков, а для входа и выхода служила одна дверь, и поэтому главным было держаться ближе к стенам. И подальше от чужаков.

По возможности так, чтобы ее нельзя было достать рукой.

Она не могла выразить это понятие словами, но узнала о зоне досягаемости рукой посредством синяков, ссадин, разбитого носа и потери одного зуба. Молочного зуба, когда рука Ардиса метнулась к лицу Доди, но сочетание травки, виски и злости сбили ему прицел, и костяшки его пальцев угодили в рот дочери. Было очень больно.

Она не плакала. Грейс вообще не была плаксой, и кроме того, она не хотела, чтобы ее заметили. Тогда она ела шоколадное мороженое на палочке, уронила его и наклонилась, чтобы поднять.

Ардис тоже пострадал от удара. Он тряс рукой и вопил от боли.

Доди расхохоталась, чем еще больше разозлила сожителя, который снова бросился на нее. Она уклонилась и принялась насмехаться над ним, а он совсем рассвирепел и ударил ее наотмашь – после таких ударов лицо Доди распухало, а на следующий день становилось иссиня-черным.

Но Блейдс потерял равновесие и рухнул на пол, а Доди отделалась царапиной, которую оставил его ноготь.

«Теперь он всегда бьет кулаком, – подумала Грейс. – Они оба такие глупые».

Увлеченные дракой, они не замечали девочку, которая забилась в самый дальний угол. Ее кровь смешивалась с шоколадным мороженым, образуя тошнотворную жижу, которая стекала по ее лицу.

Во рту было очень больно, но Грейс, естественно, молчала. Когда жалуешься, становится еще хуже, потому что они – особенно Доди – могут разозлиться на тебя.

Она старалась думать о чем-то приятном, не связанном с болью.

Иногда девочка вспоминала телевизионные шоу, которые она смотрела, или книги, которые читала в детском саду. Иногда представляла, что чужаки исчезли. Например, в этот раз.

Она попыталась откусить мороженого. Зуб хрустнул и покосился. Грейс сунула пальцы в рот и без труда вытащила зуб, чувствуя, как через дырку со свистом проходит воздух. Теперь крови во рту было больше, чем шоколада, и мороженое имело вкус печенки – Грейс его больше не хотелось.

Это был весь ее ужин, но она не была голодна.

В другом конце трейлера Ардис сидел на полу и удивленно тряс головой, а Доди смеялась над ним. А потом они смеялись вместе, и Доди поднимала Ардиса. Он трогал ее грудь, а она – молнию на его джинсах.

Покачиваясь, они в обнимку двинулись к кровати. Доди хихикнула и попыталась задержать занавеску, но Ардис потащил ее дальше. Занавеска сдвинулась только наполовину, и Грейс при желании могла бы видеть все.

Девочка вытерла лицо куском туалетной бумаги из рулонов, которые Блейдс украл в «Макдоналдсе», и вышла из трейлера – в ночь.

Она даже не старалась не шуметь. Никому до нее не было дела.

Отойдя на несколько шагов, Грейс нашла ровное место на сухой земле, села и принялась вытирать кровь своими бумажными салфетками, пока не остался лишь металлический привкус во рту.

Воздух был холодным. Из других трейлеров доносились разнообразные звуки, в основном электронные. Грейс вздрогнула. А потом открыла рот и негромко засвистела, воспользовавшись новым отверстием в зубах.

* * *

После той ночи Ардис появлялся редко, и Доди жаловалась на него Грейс – других слушателей у нее не было.

– Скатертью дорога. Знаешь, что это значит?

– Ага.

– Что? – спросила Доди. Она только что возилась с химическим туалетом трейлера: запах стоял отвратительный, руки у нее были грязными, и она жутко ругалась. Все это сделало ее чрезвычайно раздражительной, а в таком состоянии она всегда требовала от Грейс, чтобы та говорила то, что от нее ждали.

– Что? – повторила Доди. – Немедленно скажи, что это значит?

– Ты рада, что его здесь нет.

– Верно, – признала женщина. – Но не только. Ты ребенок и не понимаешь этого.

– Чего не понимает? – послышался голос за дверью, и в трейлер вошел Ардис с ведерком жареных цыплят в руках. Он бросил взгляд на Грейс и вскинул брови, словно удивляясь, что она все еще здесь, а потом пристально посмотрел на Доди, вильнул бедрами и покачал ведерком.

Его сожительница уперлась руками в *свои* бедра, которые остались неподвижными. Чем больше извивался Блейдс, тем больше она злилась. Понюхав пальцы, выругалась, нахмурилась и снова вымыла их.

– Полюбуйтесь, кого это принесло! – воскликнула женщина. – Явился.

– Смотри, ужин. – Ардис сморщил нос. – Похоже, тут воняет дерьмом.

– Ага, как в роскошном кондоминиуме. – Доди стала рассматривать ведерко. – Ты теперь в «КФС»? Из «Макдоналдса» тебя вышвырнули?

– Нет, я еще в «Микки Ди», но у меня есть связи.

– Связи, чтобы добыть немного долбанных цыплят. – Доди показала своему дружку средний палец. – Дерьмо собачье.

– Грудки и бедрашки, – подмигнул ей Блейдс и бросил взгляд на дочку, проверяя, заметила ли она это. Она заметила, но отвернулась и сделала вид, что ничего не видит.

– Грудки и бедрашки, бедрашки и грудки, – игриво повторила Доди.

– Ага.

Они двинулись к кровати, и по дороге Ардис поставил ведерко на кухонный стол.

Грейс вышла на улицу. Когда она проходила мимо трейлера миссис Вашингтон, та – сегодня вечером она была трезвой – окликнула ее:

– Дитя? Иди сюда.

Она дала девочке одно из свиных ребрышек, которые жарила вчера на уличном гриле, сделанном из банки для масла.

– Спасибо, – ответила малышка.

– Это меньшее, что я могу сделать для той, кто живет с... Впрочем, неважно, пойд и найди себе место, чтобы поесть.

Грейс не стала нигде устраиваться, а просто бродила по стоянке для трейлеров и грызла ребро. Съев мясо, принялась за кость. Зубы у нее еще выросли не все, и горячий сок попадал в дырку, которую проделал кулак Ардиса несколько недель назад. Было немного больно.

* * *

Когда она вернулась в свой трейлер, Ардис сидел на садовом стуле с бутылкой виски в руке, а Доди на кухне разделявала цыплят.

Вид у Блейдса был злобный, и Грейс держалась как можно дальше от него.

– Черт бы побрал эту «КФС»! Одни кости, – ворчала Доди.

– У цыплят должны быть кости, дура. В противном случае это были бы... бескостные цыплята. – Запрокинув голову, мужчина рассмеялся, а потом глотнул из бутылки.

Доди замерла с ножом в руке.

– Ты назвал меня душой?

Ардис не ответил.

– Я тебя спрашиваю. Ты назвал меня душой?

– Какая разница!

– Какая разница?

– Эй, – сказал Блейдс и сделал еще глоток. – Дура – она дура и есть.

– Пошел ты! – огрызнулась Доди. – И я должна терпеть это от недоумка?

– Кого ты назвала недоумком?

Она молчала.

Ардис повторил свой вопрос.

– Недоумок – это еще мягко сказано, – фыркнула Доди.

Оба они говорили медленно и невнятно – как всегда, когда слишком много выпили, накурились травы или проглотили слишком много таблеток. И почти всегда, когда появлялись из-за занавески, отгораживающей кровать.

– Мягкой бывает твоя задница, когда я тебя трахаю, – сказал Ардис.

Молчание.

– Что ты сказал, недоумок? – наконец произнесла Доди.

Ее приятель повторил оскорбление, после чего встал и направился в сторону кухни.

– Знаешь, просто уйди. И никогда не возвращайся, – велела ему женщина. – Недоумок.

– Пошла ты. Это мой дом.

– Черта с два! – Теперь Доди кричала. – Я за все плачу, а ты ничего не делаешь. Твой дом – там, где нужны бесполезные недоумки!

– Ты *платишь*?! – заревел Ардис. – Это твоё *пособие*, сука! Ты просто сидишь тут, а твоя задница все толстеет и толстеет, скоро уже в дверь не пролезет.

Доди отвлеклась от цыпленка и повернулась к нему.

– Что? – спросил он.

– Не теряй времени – просто уходи.

– Я уйду, когда захочу, и останусь, когда захочу. – Ардис криво улыбнулся. – И мой член достанет твою задницу, когда я захочу развлечься.

Он рассмеялся. Доди стала красной, как кетчуп.

– Посмотри на себя, – смеялся Ардис. – Ты как... помидор. Ты уродина, тебя били самой большой долбаной уродливой палкой на самой большой долбаной планете.

– Планета – это земля! – закричала его сожительница. – Мы не можем жить на других, потому что там нет воздуха. Недоумок. Ты ни хрена не знаешь о науке или о чем-то другом, потому что ты тупой. Знаешь, как они тебя называют, те люди, которых ты считаешь похожими на себя? Безмозглым! Безмозглым недоумком!

– Врешь!

– А вот и *нет*!

Движение Ардиса был быстрым, как у змеи, – он выбросил вперед дрожащую руку и ухитрился попасть прямо в нос женщины. Брызнула кровь. Нос Доди стал не таким, как раньше. Плоским. Расплющенным.

Наверное, ей стало больно дышать, потому что она заплакала и попыталась остановить кровь салфетками «КФС», которые из белых быстро становились красными.

Блейдс засмеялся и снова ударил ее, на этот раз открытой рукой, словно ему было все равно. Но ударил сильно, и ее голова резко дернулась, а кровь из разбитого носа брызнула в разные стороны.

Такого еще не было, подумала Грейс.

А потом произошло нечто совсем невиданное. Доди повернулась и ответила Ардису, вложив в удар весь свой вес. Это было очень быстрое движение снизу вверх.

Ниже подбородка.

Странное место для удара. А потом Грейс увидела.

Тонкая красная линия. Когда она стала расширяться, глаза Блейдса широко раскрылись от удивления, и он попятился. Линия превратилась в зияющую рану.

На его шее ухмылялся второй рот.

Теперь кровь текла из Ардиса гораздо сильнее, чем из носа Доди.

Он покачнулся и попытался что-то сказать. Ничего не вышло. Его рука потянулась к горлу, а потом безвольно повисла. Он слабо погрозил кулаком женщине.

И упал. Под ним быстро натекла лужа крови.

Доди смотрела на него, не отрываясь. Потом перевела взгляд на нож. Маленькие желтые крапинки – панировка от цыплят – быстро становились красными, смешиваясь с кровью.

Доди снова посмотрела на Ардиса. Громко позвала его, склонилась над ним и встряхнула.

Он не шевелился. Лежал на спине – глаза безжизненные, рот открыт. Из шеи у него по-прежнему текла кровь.

Теперь внимание женщины переключилось на Грейс, которая обхватила себя руками и прижалась к стене. Больше всего на свете ей хотелось протолкнуть себя *сквозь* стену.

– Ты видела, – сказала Доди. – Мне пришлось.

Девочка не ответила.

– Что? Ты думаешь, это я *начала*?

Грейс пыталась сжаться в комочек, исчезнуть.

– Что? – крикнула Доди, приближаясь к ней. – Ты говоришь, что это я виновата? Что ты говоришь?

Ее дочь молчала.

– Ты смотришь на меня такими глазами, – сказала она, – как будто я... Ладно, пусть будет по-твоему. Запомни это.

Со странной, пьяной улыбкой Доди схватила нож обеими руками и высоко подняла его. Потом из ее горла вырвался смех, похожий на крик койота, и она со всего размаху всадила нож себе в живот.

Смех превратился в безумный вопль – Доди почувствовала боль, опустила взгляд и увидела, что наделала. Трясущимися руками она пыталась вытащить лезвие, вошедшее ей в живот по самую рукоятку. При каждой попытке нож проворачивался, нанося еще больше повреждений.

Женщина опустилась на колени. В нескольких дюймах от Ардиса.

Руки у нее ослабели и опустились. Нож остался в животе, но теперь был повернут.

– Помоги мне! – прохрипела Доди, обращаясь к Грейс. – Вытащи его... – Ее взгляд указывал на нож.

Она застонала от боли.

Девочка не двигалась.

Веки Доди затрепетали. А потом опустились. В трейлере стало тихо – слышался только стук капель крови, падающих на линолеум.

Грейс смотрела, как комната становится красной.

Глава 10

К тому времени, когда Грейс укрылась за драгоценным барьером, который обеспечивал ее письменный стол, Эндрю Тонер уже сидел в напряженной позе на краешке кресла для пациентов, и плечи его были напряжены, как тросы подвесного моста. Смотрел он куда угодно, но только не на психотерапевта.

Еще не успев собраться с мыслями, она заговорила – все лучше, чем молчать.

– Совершенно очевидно, – сказала Грейс, – что это неловкая ситуация для нас обоих. Позвольте начать с извинений.

– В этом нет нужды. Вы же не знали, – возразил Тонер. – И не могли знать.

– Не могла, – кивнула женщина. – И все же... Вы приехали издалека ко мне за помощью.

Эндрю откинул прядь волос с гладкого лба и долго молчал, прежде чем выдавить из себя слабую, едва заметную улыбку.

– Наверное, лечение бывает разным.

Нахальный ублюдок? Как только выйдет отсюда, сразу же похвастается своим приятелям в Техасе. «Фейсбук», «Твиттер» или другие омерзительные способы связи...

Парни, вы ни за что не поверите, что произошло; даю голову на отсечение, это было настоящее жесткое порно! Я прилетел в Лос-Анджелес, чтобы посетить мозгоправа, на следующее вечер решил пропустить стаканчик и...

Но потом он извинился:

– Простите, неудачная шутка. Наверное, я просто... не силен в светских беседах.

Не хам. Это плохо. Его недостатки помогли бы Блейдс чувствовать себя не так глупо, но ничего не поделаешь...

Она покашляла, прочищая горло. Пациент поднял на нее взгляд. Губы крепко сжаты. Больше ему нечего сказать.

– Мне ужасно жаль, Эндрю. Но сделанного не вернешь, и нет смысла на этом задерживаться, – снова заговорила доктор. – Наоборот, я думаю, что мы можем потратить наше время с пользой.

Брови мужчины изогнулись дугой:

– То есть?

О нет, не это, совсем не это!

Грейс наклонилась вперед, изображая спокойствие и уверенность... *профессионализм.*

– Я имела в виду, – пояснила она, – что вы проделали такой путь, потому что у вас есть ко мне вопросы. Если вы можете отбросить все, что вас отвлекает, я готова выслушать их. Совершенно очевидно, что я не могу взяться за ваше лечение, но я сделаю все возможное, чтобы направить вас к лучшему из местных специалистов.

У нее не было на примете ни одного надежного психотерапевта в Техасе, но, черт возьми, она его найдет.

Эндрю Тонер молчал.

– С другой стороны, – продолжила Блейдс, – если для вас это слишком трудно, я пойму.

– Э-э... возможно... – Ее клиент поддернул брюки и хотел закинуть ногу на ногу, но потом передумал и поставил обе ноги на ковер. – Вы догадываетесь, что мне нужно?

– Наверное, если речь о той статье, что вы упомянули при регистрации.

– Да! – Одно слово, шепотом, но очень выразительное. Тонер выпрямился. – Когда я наткнулся на нее, то сказал себе: *вот* человек, с которым мне нужно поговорить. – Он отвернулся. – Я не сразу нашел ее. Похоже, этому вопросу психологи уделяют не слишком много внимания. – Пауза. – Почему?

– Трудно сказать наверняка, – ответила Грейс, готовая обсуждать все что угодно, только не минувший вечер. – Подозреваю, что одна из причин – то, что мы называем малым объемом выборки. Недостаточное количество таких людей, объектов для исследования, чтобы получить финансирование.

– Неужели? – удивился Эндрю. – С учетом всего, что происходит, их должно быть много.

– Полагаю, большинство людей, оказавшихся в такой ситуации, не хотят, чтобы их исследовали.

– Хм. Да, пожалуй, я понимаю.

Ты этого даже представить не можешь, Эндрю. Или можешь... Ведь ты здесь.

– В любом случае, – сказал мужчина, – так я вас нашел. Искал информацию.

Грейс представила, как он сидит за своим компьютером и ведет поиск, терпеливо и методично, как настоящий инженер. Если он *действительно* инженер... Как бы то ни было, ситуация заставила его заняться поиском, и в конечном итоге он наткнулся на *ту* статью.

Заинтересовавшая его работа была написана шесть лет назад и опубликована на последних страницах редкого английского журнала по криминологии, уже не существующего. Поскольку Малкольм предположил – вполне обоснованно, – что журналы по психологии могут ее не принять.

Необычная работа, единственная, написанная Грейс самостоятельно. Малкольм довольно долго ее уговаривал, и в конце концов она сдалась.

Он так радовался, увидев ее опубликованной...

Хотя это произошло не слишком быстро.

«Жизнь со злом: эмоциональные аспекты родственной связи с убийцей».

Но рецензенты из журнала не знали – никто не знал, кроме нее самой, Малкольма и Софи, – что Грейс выступала в двойной роли.

Автора *и* объекта исследований.

Она назвала себя Джейн Х. и изменила детали таким образом, чтобы никто не смог понять, что это автобиография, замаскированная под историю болезни.

Она перенесла «провоцирующее событие» в другой штат, превратила отца в убийцу и самоубийцу, а мать сделала беспомощной жертвой – и вдобавок скрыла факты, которые понравились бы редактору журнала, яркой феминистке. Да, следует признать, что Ардис действительно был звездой дешевой мелодрамы, которая закончилась его перерезанным горлом. Этот дурацкий тестостерон, высвобожденный наркотиками и алкоголем. И пощечины.

Атмосфера напряженности и страха, которую он приносил с собой в трейлер...

Грейс поняла, что на какое-то время отключилась. Она отодвинула от стола кресло на колесиках и прижалась к кожаной спинке – больше всего ей хотелось просто исчезнуть.

Заметил ли он, что ей не по себе? В голубых глазах Эндрю читалось сочувствие.

Ага, только этого ей не хватало! Она все испортила, а теперь еще *грузит* его своим личным дерьмом.

Снова подъехав к столу, психотерапевт вслух произнесла название статьи. Надеюсь, что это заклинание избавит ее от субъективности.

Тонер кивнул, и внезапно Грейс почувствовала, что задыхается. Сдержав кашель, она извинилась, прикрыла ладонью рот, сделала долгий глубокий вдох, а потом выдохнула через нос, пытаясь скрыть свою потребность в кислороде.

Жертва. Нет, не дожидетесь...

Эндрю Тонер по-прежнему смотрел на нее... с нежностью?

Я в порядке, отзывчивый ублюдок!

Блейдс понимала, что должна взять себя в руки. В противном случае... что?

Нельзя отвлекаться. Сосредоточься.

– Итак, – сказала она, стараясь выдержать профессиональный тон, – что за злодей оккупировал ваши мысли и сны?

– Не уверен, что готов об этом говорить.

– Понимаю.

– Ведь именно об этом вы писали, да? Та женщина... Джейн... всегда сомневалась, что готова взглянуть правде в глаза. У нее не было способа узнать, потому что никто не может сказать, что будет потом.

Грейс кивнула. Движение помогало. Психотерапия, психотерапия, психотерапия.

– Я могу это подтвердить, – продолжал Эндрю. – Иногда я просыпаюсь посреди ночи с мыслью: вот оно, момент, когда мне нужно... повернуться лицом к реальности. Но затем этот импульс проходит, и я убеждаю себя, что могу просто забыть обо всем.

– Конечно. – Грейс удивилась сердечности своего тона. Не думать об этом. Просто *быть*.

Возможно, собеседнику передалась ее вновь обретенная уверенность – его тело немного расслабилось.

Но глаза увлажнились.

Грейс предположила, что от внезапного наплыва воспоминаний.

Она ошиблась.

– Дело не во мне. Это... моральный аспект. – Тонер снова замолчал.

Доктор ждала.

Эндрю покачал головой:

– Впрочем, неважно.

– Достаточно важно, чтобы приехать из Сан-Антонио.

Взгляд Тонера метнулся влево. Значит, Техас – тоже ложь? Что еще он скрыл от нее?

Все. Разумеется.

– Вы можете рассказать мне о злодее, не вдаваясь в детали?

Пациент задумался.

– Это непросто.

– И не должно быть.

– Я знаю, знаю... Послушайте, мне очень жаль. – Смех мужчины прозвучал резко. – Еще одно дурацкое извинение. Я слишком часто извиняюсь, и в этом моя проблема. – Снова смех, на этот раз сердитый и отрывистый. – Одна из моих проблем... В любом случае я рад, что приехал, потому что у меня было время подумать. Просто это не сработало.

Его ладонь разрубила воздух, горизонтально.

– Пожалуйста, поверьте, вы тут ни при чем... Я не жалею. Просто... я не могу. Наверное, еще не готов. – Он улыбнулся. – Должно быть, вы такое слышите постоянно.

Пытается нормализовать ситуацию. Не только для себя, но и для Грейс. Человек, который заботится о других. Что еще хуже.

Эндрю встал. Щеки его пылали. Вспоминает ее? Язык, ноги, все остальное?

– У нас есть время, – сказала Грейс. – Вам некуда торопиться.

Он энергично замотал головой.

– Не могу, простите... ну вот, опять. Извиняюсь перед всем миром, я вроде как чувствую себя...

– Другим.

– Нет-нет! – Пациент вдруг разозлился. – Это... – Раздраженный взмах рукой. – Мы все разные. Не другим, нет, я чувствую себя... запачканным.

– В этом есть смысл, – сказала Блейдс.

– Да? А Джейн Х. чувствовала себя запачканной? В вашей статье об этом ничего нет; вы просто рассказываете, что она была вынуждена создать собственную систему нравственных ценностей. Все эти шаги, которые она предпринимала, чтобы справиться.

– У статьи есть ограничения, Эндрю. Может быть, вы сядете и мы поговорим?
Тонер обвел взглядом кабинет.

– Вы хотите помочь. Я знаю. Возможно, вы правы, и мне следует остаться. Но я не могу.
Спасибо, что уделили мне время, доктор. Правда.

Он пошел к двери. К той, которая вела назад в приемную, а не к выходу в переулок.

Других пациентов не было, и поэтому не было и необходимости соблюдать правила. Грейс встала.

– Я сам найду дорогу, – возразил мужчина. – Пожалуйста.

Блейдс осталась на месте. Она смотрела, как он осторожно открывает дверь в приемную, делает два шага, а потом поворачивается вполоборота, так что она видит часть его красивого, несчастного лица.

– Да, Эндрю? – спросила женщина.

– Я... если можно... Скажите, если нет... Если завтра я найду в себе силы вернуться... Вы сможете уделить мне немного времени? Я понимаю, что вы, наверное, очень заняты, так что если это неуместно...

Первый день предполагаемого отпуска.

– Конечно, я найду для вас время, Эндрю, – сказала доктор Блейдс. – Столько, сколько вам нужно.

– Спасибо. Вы... очень... Думаю, вы сможете мне помочь.

И, густо покраснев, Тонер вышел.

* * *

Испытывая облегчение, что он не попытался заплатить, Грейс вернулась в кабинет и долго стояла там. Она надеялась, что в конечном счете придет в норму, но потом поняла, что у нее ничего не выйдет, и направилась в гараж.

Гадая, позвонит ли Тонер.

Понимая, сколько смыслов может содержаться в этом вопросе.

Она надеялась снова увидеться с ним. Надеялась, что не будет врать себе насчет причин этого.

Когда Грейс задом выезжала из гаража, приземистый седан, стоявший чуть дальше по улице, включил фары и двинулся к ней.

Необычно для этого тихого квартала, хотя такое случалось и прежде.

Тем не менее – одинокая женщина всегда должна соблюдать осторожность – Грейс проверила, что двери «Астон Мартин» заперты, и только потом тронулась с места и повернула на восток.

Машина двигалась за ней, и женщина была готова, если потребуются, отрываться от преследования. Но затем седан остановился, развернулся в три приема, воспользовавшись подъездной дорожкой к одному из домов, и поехал в обратном направлении.

Блейдс смотрела, как уменьшаются, а затем исчезают его габаритные огни. Возможно, это были копы в штатском, нечто вроде поста против грабителей – в Западном Голливуде орудовали взломщики.

Или у водителя была причина быть здесь, а она просто поддалась иррациональной тревоге, потому что сегодняшний день был... другим.

Завтра будет новый день.

Позвонит ли он?

Глава 11

Восьмой день рождения Грейс прошел незамеченным. После красной комнаты она жила в семи семейных приютах. И всегда это был бизнес, которым занимались ничем не примечательные люди: их привлекали государственные деньги, а иногда возможность почувствовать себя благородными.

От других приемных детей Грейс слышала истории о плохих мужчинах, которые прокрадывались в спальню посреди ночи, и о плохих женщинах, которые делали вид, что об этом не знают. Одна из многочисленных соседок по комнате, девочка по имени Бриттани, вскоре после своего появления задрала блузку и продемонстрировала грубый шрам – по ее словам, приемная мать специально обварила ее кипятком.

Грейс была готова в это поверить – судя по тому, что она видела, люди были способны на все. Но Бриттани любила приврать, в том числе и о всякой ерунде, вроде того, что она ела в школе. А еще она воровала белье Грейс, и поэтому та предпочитала пропускать ее слова мимо ушей.

За три года Грейс ни разу не сталкивалась с физическим или сексуальным насилием. По большей части на нее не обращали внимания и разрешали ей делать все, что хочет, лишь бы она никого не беспокоила – каждый ребенок приносил приемной семье немалый доход, и поэтому такие семьи старались взять себе как можно больше детей и держать их как можно дольше.

Однако социальные работники почему-то все время переводили Грейс из семьи в семью. Причинами девочка не интересовалась – ей было все равно. Все приемные семьи похожи друг на друга. Главное, чтобы ее оставили в покое и у нее была бы возможность читать.

Однажды социальный работник по имени Уэйн Кнутсен, который перевел ее из семьи номер шесть в семью номер семь, появился снова. Он явно нервничал и смущенно улыбался.

– Догадываешься, в чем дело? Ты уж извини, детка.

Уэйн был пузатым мужчиной чуть за тридцать с волосами, собранными в «хвост». Обычно от него пахло мятой, а иногда и немытым телом. За толстыми стеклами очков его глаза казались большими и выпуклыми, как у рыбы. Он выглядел нервным, даже когда улыбался, и сегодняшний день не был исключением.

Грейс приготовилась собирать вещи, но Кнутсен протянул ей шоколадный батончик и сказал:

– Присядь на секунду.

Грейс спрятала конфету в карман.

– Припасаешь на черный день, да? – спросил мужчина.

Девочка знала, что некоторые вопросы не требуют ответа, и поэтому молчала. Уэйн вздохнул. Лицо его стало печальным.

– У тебя такие глаза, мисс Грейс Блейдс... Как будто ты говоришь, что это моя вина... Я знаю, что прошло всего четыре месяца... Все было в порядке?

Грейс кивнула.

– Черт. Я приехал сказать, что тебя опять переводят, и я чувствую себя собачьим дерьмом недельной давности.

Девочка не ответила. Она не обязана кого-то утешать.

– Тем не менее я заглянул в твое дело. Восьмой раз, черт бы его побрал! Проклятье.

Грейс сидела неподвижно.

– Тем не менее, – снова заговорил Уэйн, – мне кажется, ты достаточно взрослая и знаешь, как работает система. Что это за дерьмо. Правда? Достаточно взрослая?

Его маленькая собеседница кивнула.

– Черт, из тебя слова не вытянешь... Ладно, значит, дело вот в чем. Умники в законодательном собрании штата – это место, где собираются тупицы и принимают дурацкие законы, потому что важные люди им за это платят.

– Политики, – сказала Грейс.

– Ага, умная девочка. Значит, ты понимаешь, о чем я?

– Богатые платят другим людям, чтобы их слушали.

– Эй! – Уэйн хлопнул девочку по спине, чуть сильнее, чем следовало бы. – И вправду умница. Да, совершенно верно, детка. В общем, один из тех законов, которые приняли эти идиоты, обещает больше денег тем людям, которые берут детей с особыми потребностями. Знаешь, что это?

– Больные дети?

– Иногда, но не обязательно. Они могут быть больными или просто... другими. В каком-то смысле это справедливо, потому что людям может понадобиться помощь. Но особые потребности – хитрая штука, мисс Грейс Блейдс. Это может быть действительно тяжелый случай – ребенок с одной ногой, с одним глазом, – и тогда понятно, что это оправдано и им требуется особый уход. Но закон написан так, что им злоупотребляют... используют неправильно. Если знать нужного врача, то любой ребенок может попасть в категорию особых потребностей – например, он неуклюжий или просто тупой. Дело в том, что на детях с особыми потребностями можно больше заработать, чем на обычных, а, к несчастью для тебя, ты обычный ребенок. – Уэйн подмигнул. – По крайней мере, мне так сказали. Это правда? Ты обычная?

Грейс кивнула.

– Только неразговорчивая, – сказал мужчина. – В тихом омуте... В любом случае такие вот дела, мисс Грейс Блейдс. Тебя переводят, потому что мистер и миссис Сеймах могут существенно повысить свой доход, взяв нового ребенка с эпилепсией... Знаешь, что это... нет, все это дерьмо тебе ни к чему.

– Ладно, – сказала Грейс.

– Ладно?

– Я уезжаю. Все нормально.

Все равно ей не нравилось у Сеймахов. Скучные люди, державшие пару нервных и вонючих собак, безвкусная и не слишком обильная еда, жесткая, как доска, кровать... Иногда миссис Сеймах позволяла себе улыбнуться, но было трудно понять, к чему именно относится ее улыбка.

– В самом деле, – кивнул Кнутсен. – Тогда давай собираться – и в путь.

– Куда я еду?

– Понимаешь, – сказал сотрудник, – возможно, это сработает... Я надеюсь... Это будет надолго. Потому что я обратил на тебя внимание, когда забирали у Кеннеди, после того как они взяли ребенка с особыми потребностями. Ребенка из пятой категории, самой высшей, что означает больше всего денег. У ребенка был какой-то врожденный дефект, и семье Кеннеди оплачивали кислородные баллоны и всякие лекарства. Вообще-то это нормально, потому что ребенок, который не может дышать сам, нуждается в дополнительном внимании. Но я все равно считаю, что это неправильно, – почему тебя считают нормальной? Черт возьми, умным быть недостаточно! Если б это было возможно, я сам заполнил бы на тебя бумаги. Особые потребности, потому что ты очень умная, понимаешь?

Грейс кивнула.

– Но ничего не выйдет – вот в чем безумие. Если б ты отставала в развитии, то была бы подходящим кандидатом, но закон не распространяется на умных детей. Разве это не дерьмо? Разве мир – не дерьмовое место? Вот почему ты моя последняя подопечная – потом я уйду. Увольняюсь и поступаю на юридический факультет. Знаешь, почему?

Девочка покачала головой.

– Конечно, откуда тебе знать? – Уэйн снова подмигнул ей и дал вторую конфету, которую она положила рядом с первой. Заранее неизвестно, когда захочется есть. – Эти конфеты мы называем искуплением вины, детка, – сказал он. – В общем, мне хотелось бы сказать, что я собираюсь стать юристом, чтобы изменить систему и превратить воду в виноградный сок, но я не лучше других и поэтому собираюсь заработать много денег, защищая богатых людей, и постараюсь не думать о том времени, которое я проработал в системе. Все равно я считал эту работу временной.

– Ладно, – сказала Грейс.

– Ты все время это повторяешь.

– Со мной всё в порядке.

– Значит, система тебя устраивает?

– Это как животные, – ответила девочка. – В джунглях. Каждый сам за себя.

Уэйн внимательно посмотрел на нее и присвистнул.

– Знаешь, я примеривал на тебя первую категорию... По большей части психологические проблемы... или эмоциональные... неважно. Чрезмерная зависимость. Но это не ты. Еще я мог бы попробовать чрезмерную раздражительность, но это тоже не ты. Потом подумал, что не стоит писать все это в твоём деле – до сих пор ты отлично справлялась и заслуживаешь своего шанса. Я прав?

Грейс снова кивнула, хотя и не была уверена, что правильно поняла сограбника.

– У тебя есть чувство собственного достоинства, – сказал Уэйн. – Мне так кажется. В любом случае, даже если б я записал тебя в первую категорию, толку от этого никакого, потому что новый ребенок, с эпилепсией, – из пятой категории, и ты ему не конкурент. В общем, давай собирать твои вещи. На этот раз я, возможно, нашел для тебя хорошее место. Мне так кажется. Если нет, прости – я старался.

Глава 12

Эндрю Тонер не позвонил, и к ночи, сидя дома, Грейс уже не находила себе места. Бессмысленные телепередачи не помогали. Не было толку также от музыки, физических упражнений, вина или журналов. Наконец, во втором часу ночи, женщина забралась под одеяло, потянулась и расслабила руки и ноги, надеясь, что со временем мозг подчинится телу.

Она просыпалась в два пятнадцать, в три девятнадцать, в четыре тридцать семь, в шесть и в девять.

Такой прерывистый сон не был для Блейдс в новинку. Из-за обстановки, в которой она выросла – разные комнаты, кровати и соседи, в том числе дети, которые по ночам кричали от страха, – ее ночи можно было разделить на две категории. По большей части она проваливалась в сон на восемь часов и вставала свежей и отдохнувшей, но иногда просыпалась через каждый час или два, как новорожденный младенец. Грейс привыкла к таким ночам, поскольку они не были связаны с событиями прошедшего дня и не вызвали особых проблем. Просыпаясь, она без труда снова засыпала.

Однако ночь после встречи – второй – с Эндрю Тонером была настоящим мучением, со скрученной простыней и сбившейся подушкой, когда женщина долго лежала с открытыми глазами, ненадолго проваливалась в дремоту и снова просыпалась. Ни ночных кошмаров, ни обрывков неприятных образов. Ей просто *не спалось*.

Когда взошло солнце, доктор уже давно отказалась от попыток крепко заснуть.

Привет тебе, первый день отпуски.

А может, и нет. У Эндрю еще оставался шанс для второй попытки. Может, ему просто нужно время.

Чтобы разобраться с *моральными аспектами*. Что бы это ни значило.

Завтрак не лез в горло, и в девять часов Грейс позвонила в телефонную службу. Ни одного сообщения. Она удивилась своему разочарованию.

Как будто ее обманули.

Обливаясь потом, психотерапевт вышла на террасу и окинула взглядом пляж. Много сухого песка. Целый час Грейс бегала туда-сюда вдоль всего берега Ла-Коста-Бич. Вернувшись в дом – нисколько не успокоившись, – она сварила кофе и снова позвонила в телефонную службу.

Ничего, доктор Блейдс.

Не звонишь, не пишешь...

Женщина решила, что нужно забыть этот неприятный эпизод, поскольку она не привыкла испытывать чувство вины.

Ладно. Что теперь?

Позавтракать? Может, поездка разбудит аппетит? Кафе на пляже в Парадайз-Коув? Или «Сеть Нептуна» на северо-западной оконечности Малибу?

Теоретически оба варианта выглядели привлекательно, но ехать не хотелось.

Подавив желание в третий раз позвонить в телефонную службу, Блейдс разделась, оставшись в трусиках и бюстгалтере, и выполнила несколько движений из комплекса самообороны, воображая, как на нее нападают злодеи и как она может нейтрализовать их, целясь в глаза и гениталии, а также в уязвимое место под носом.

Движения ее были механическими, без всякой страсти.

Если какой-то психопат ворвется в дом, она – труп.

* * *

Блейдс долго, как ей казалось, стояла под душем, а потом удивилась, до чего это жалкий отрезок времени. Впереди две недели отдыха, а она еще не решила, остаться ей дома или заказать номер в каком-нибудь наугад выбранном роскошном отеле.

Во время своих путешествий она почти всегда находила мужчину для Прыжка.

Под ложечкой у нее засосало.

Никакого желания.

Грейс села на пол и попыталась понять, чего же ей на самом деле хочется, но ответа не нашла. Она чувствовала себя маленькой и жалкой, превратившейся в ничто.

Пушинка. Которую постепенно срывает и уносит жестокий, неутихающий ветер.

Плохие мысли, Грейс. Стереть, стереть, стереть, затем вытеснить.

Что она говорила стольким пациентам? Главное – делать *что-нибудь*.

Можно поехать в тир в Сильмаре и попрактиковаться в стрельбе. Не то чтобы она нуждалась в тренировке – последний раз Грейс была там в воскресенье три недели назад и превратила мишень – безликую, политкорректную голову европеоида – в решето. Ее меткая стрельба вызвала потрясенное молчание, а затем растерянное «ого!» у парня на соседнем стенде, бритоголового, похожего на бандита типа, который пытался выглядеть крутым со своей «пушкой» калибра 357 под патрон «магнум».

Грейс проигнорировала его и точно так же изрешетила вторую мишень, после чего бандит пробормотал «Мама лока!» со смесью отвращения и восхищения, а затем продолжил мазать по своей мишени самым унижительным образом.

Когда доктор Блейдс взяла свои пистолеты и покинула огневой рубеж, у него стало получаться лучше.

Он делал вид, что ее тут не было.

* * *

Грейс научилась стрелять и прошла серьезный курс самообороны вскоре после того, как купила дом и офис. Оставшись одна и предполагая, что так будет всегда, она не знала, с чего начать, и обратилась к Алексу Делаверу, потому что слышала, что он занимался карате и время от времени работал с полицией.

Она нашла его в студенческом городке – Алекс вышел из корпуса Сили Мадда, где располагался факультет психологии, с двумя аспирантками. Они оживленно переговаривались. Потом женщины ушли, а Делавер продолжил путь широким, но медленным шагом. Он был не очень высоким, но казался выше своего роста. Черная водолазка, джинсы, рюкзак...

Блейдс приблизилась, чтобы он ее заметил, и махнула рукой. Алекс махнул ей в ответ и подождал, пока она подойдет.

– Привет, Грейс.

– Есть минутка?

– Конечно. Что случилось?

– Я решила заняться боевыми искусствами и хочу спросить у вас совета.

Серо-голубые глаза Делавера должны были остаться бесстрастными, но почему-то отреагировали. Зрачки его мгновенно расширились. Серьезный интерес, однако Грейс не заметила сексуального подтекста – скорее он действительно обдумывал просьбу.

– Кто-то сказал, что я сэнсэй? – улыбнулся Алекс.

– Вроде того.

– Жаль вас разочаровывать, я просто дилетант – упражняюсь время от времени.

– Все равно вы знаете больше меня.

– Справедливо, – сказал мужчина. – Вам нужна хорошая нагрузка или надежные средства самозащиты?

– Возможно, и то, и другое.

Мимо прошла хихикающая парочка аспиранток в коротких юбках. Обе девушки окинули Делавэра оценивающими взглядами, но тот не заметил этого. Он отвел Грейс к скамейке в тени дерева напротив факультета психологии и сказал:

– Не хочу показаться излишне любопытным, но я не смогу дать вам правильный ответ, не зная, имеете ли вы в виду конкретную угрозу.

– Нет, – ответила Блейдс. – Я живу одна, а это Лос-Анджелес...

Все знали причину, почему Грейс одна. Она не могла говорить об этом и надеялась, что Делавэр это понимает. Слава богу, он не отклонился от темы.

– У карате и других боевых искусств есть одна особенность: они хороши в качестве физической нагрузки и для воспитания дисциплины, но за пределами кино практически бесполезны против вооруженного бандита, – предупредил ее Алекс. – Поэтому если ваша главная цель – защита, я рекомендую заняться рукопашным боем. Нечто вроде израильской крав-магá, но еще жестче.

– Ищите уязвимые точки, – сказала Грейс.

Делавэр снова улыбнулся.

– Сонная артерия – самая легкая мишень. Но не единственная.

– Звучит неплохо. Посоветуете кого-нибудь?

– И еще одно: если вы хотите сделать следующий шаг, купите пистолет и научитесь стрелять.

– А у вас есть огнестрельное оружие?

– Нет. Но не потому, что я владею приемами карате.

– Вы утратили интерес?

– Когда мой учитель состарился и умер, я все время говорил себе, что найду нового, но в конечном счете понял, что не сделаю этого. Это фантастическая тренировка, особенно для баланса, и поэтому когда-нибудь я могу вернуться. Но против ножа или пистолета... – Мужчина покачал головой.

– Где я могу пройти серьезный курс рукопашного боя?

Делавэр снял рюкзак, достал блокнот и ручку и написал имя.

Шошана Ярослав.

– Это дочь моего учителя. Когда я тренировался, она была еще ребенком. Теперь она выросла.

– Она разбирается в огнестрельном оружии?

– И в нем тоже.

– Спасибо, Алекс.

– Что-нибудь еще?

– Нет, это все.

– Надеюсь, вы найдете то, что ищете, – сказал Делавэр. – И еще надеюсь, что это вам никогда не понадобится.

Глава 13

К полудню безмятежная красота пляжа истощила терпение Грейс. Час спустя она полностью утратила самообладание: каждый раз, когда волна накатывала на берег, женщина стискивала зубы, а от чириканья и криков ржанок ее пальцы скрючивались, словно когти.

Заперев дом – желудок остался пустым, и у Блейдс не было никакого желания его заполнить, – она села в машину и поехала на север, без всякой цели. Промчалась мимо «Сети Нептуна», миновала участок парка, взорванный несколько десятилетий назад ради продолжения шоссе...

Проезжая мимо дюны Торнхилл Брум, этого эвереста сыпучего песка, используемого поклонниками фитнеса для проверки выносливости, психотерапевт вспомнила сцену, которую видела в прошлом году: детеныш тюленя выполз на асфальт, и его переехала машина.

Возможно, отпуск – неудачная идея. В данный момент она дорого заплатила бы, чтобы кого-нибудь спасти.

Грейс поднималась на дюну всего один раз, уклоняясь от болтовни с единственным компаньоном, накачанным стероидами мужчиной, который выпендривался, бегом преодолевая почти вертикальный склон. Позже, пройдя весь маршрут и возвращаясь к машине, оставленной у шоссе, она видела, как этот человек спрятался за свой «Джип» и согнулся пополам – он задыхался, и его рвало.

Грейс тоже тяжело дышала после подъема, но ей не нужно было ничего доказывать, и от этого ее жизнь была спокойной и приятной.

В конечном итоге никому до тебя нет дела.

* * *

Через пятнадцать миль дорога раздваивалась. На запад шла Райс-авеню с полями клубники Окснарда, складами и заправками, на восток – Лас-Росас-роуд, где за сельскохозяйственными угодьями Камарильо находился сам этот чистый, яркий город. Повернув на восток, Грейс разогнала «Астон Мартин» до семидесяти миль в час и промчалась мимо полей с артишоками, перцем и томатами. Когда показался деловой район Камарильо, она снизила скорость, потому что это место копы использовали для выписки штрафов.

И точно – прямо за деревянным навесом стояла патрульная машина.

На скорости на пять миль ниже максимальной разрешенной Блейдс миновала два перекрестка и по эстакаде въехала на шоссе 101.

Снова выбор: север или юг. Она повернула на юг – якобы случайно.

А вот и нет – выбор был совсем не случайным. Но Грейс поняла это только после того, как проехала двадцать миль.

Через час после выхода из дома она вернулась в офис.

* * *

Без людей домик выглядел стерильным и бесстрастным, и это успокоило доктора Блейдс.

Безопасное место. Здесь она сама устанавливает правила. Отсюда она может еще раз позвонить в телефонную службу, и ее не примут за невротика, потому что она будет ответственным профессионалом, который делает свою работу.

Грейс с трудом выждала пять минут, прежде чем снять трубку телефона, поскольку считала, что должна проверить себя – последние полтора дня были... другими.

Изменения требуют адаптации.

Никаких сообщений, ни от Эндрю Тонера, ни от других пациентов. Но свой телефон, начинающийся с 213, оставил детектив Хенке – и просил перезвонить.

– Он сказал, в чем дело? – спросила психотерапевт оператора.

– Нет, доктор. Только не он, а она.

* * *

Грейс не нашла Хенке в «Фейсбуке» и ввела ее данные в поисковик. Единственным упоминанием об этой женщине была статья трехлетней давности в «Дейли ньюс» о полицейской облаве в Северном Голливуде. Детектив Элин Хенке назвала аресты «кульминацией длительной совместной работы подразделений полиции Лос-Анджелеса, окружного прокурора и шерифов округов».

Вероятно, Хенке выбрали для общения с прессой потому, что ей можно было доверять, она хорошо относилась к средствам массовой информации и владела бюрократическим языком.

Три года назад Хенке работала в Северном Голливуде. Сегодня номер ее телефона указывал на центр города.

Должно быть, это пациентка, которую кто-то направил к Грейс. У нее не было знакомых в центре, но время от времени к ней обращались прокурор или секретарь из офиса окружного прокурора и просили принять пациента.

Простите, детектив, но я в отпуске.

Или нет. Посмотрим, что нам скажет Элин.

Врач набрала номер. Ответил приятный молодой голос:

– Детектив Хенке.

– Это доктор Грейс Блейдс. Вы мне звонили

– Спасибо, доктор, что перезвонили. – Тон детектива был неожиданно серьезным.

– Если вы на консультацию, то в ближайшие две недели меня не будет, но если дело срочное...

– На самом деле, – сказала Элин, – я позвонила вам из-за убийства, которое произошло в центре города этой ночью... А если точнее, то рано утром. Жертва – белый мужчина лет тридцати пяти, без документов, что для нас хуже всего. Вот тут я надеюсь на вашу помощь, доктор. Когда тело привезли в морг и раздели, в левой туфле обнаружилась ваша визитная карточка.

– В туфле? – повторила Грейс, стараясь унять дрожь в голосе.

– Странно, правда? Описание внешности вам о чем-нибудь говорит?

Волны тошноты и головокружения, мучившие Блейдс с прошлой ночи, сменил внезапный, пронзительный приступ... отчаяния?

Реальность догоняла сигналы, которые подавало ей тело.

– Вы можете описать его подробнее? – попросила психотерапевт, скрывая волнение.

– Ну хорошо, – сказала Хенке. – Значит... каштановые волосы, голубые глаза, одет в твидовую спортивную куртку «Харрис» и брюки защитного цвета... коричневые туфли. Никаких особых примет, но ничего не поделаешь. Жаль, что не у всех есть татуировки.

– Я не уверена, – сказала Грейс. *Конечно, уверена!* – Но возможно, это пациент, который приходил ко мне вчера вечером.

– Имя?

– Если это не он, я обязана соблюдать конфиденциальность.

– Ага. Я могу прямо сейчас отправить вам фотографию по электронной почте. Обещаю выбрать лучшую. Не вешайте трубку. Готовы, доктор?

– Конечно.

Блейдс продиктовала электронный адрес.

Через несколько секунд ужасная правда появилась на экране ее компьютера. Красивое лицо Эндрю крупным планом, расслабленное и посеревшее после смерти. Ни крови, ни ран – возможно, все повреждения ниже шеи.

– Он назвался Эндрю Тонером. Сказал, что приехал из Сан-Антонио, штат Техас, – сообщила врач.

– Сказал? У вас есть основания сомневаться в его словах?

Возможно, его настоящее имя Роджер. Или Беано. Или Румпельштильцхен.

– Нет... Я просто... потрясена. На самом деле шокирована. Он пришел ко мне в шесть вечера. Через пятнадцать минут ушел.

– Довольно короткий сеанс, да? – спросила Хенке. – Я имею в виду, для психолога. Разве что он пришел за рецептом... Хотя вы, психиатры, не выписываете лекарств, так?

– Мистер Тонер ушел раньше.

– Могу я спросить почему?

– Это был первый сеанс, и такое случается.

– Он записался на второй?

Дотошная Элин.

– Нет.

– Из Техаса, – сказала Хенке. – Довольно далеко ездить на лечение.

– Точно.

– Что еще вы можете рассказать о мистере Тонере?

– К сожалению, ничего.

– Он мертв, доктор, и вы можете не беспокоиться по поводу конфиденциальности.

– Дело не в этом, – возразила Грейс. – Я видела его один раз, причем не очень долго.

На самом деле дважды, но углубляться в это нет смысла, Элин.

Психотерапевт почувствовала, что теряет равновесие, хотя она сидела в своем рабочем кресле. Голова у нее покачивалась, словно перезревший фрукт на хлипкой ветке. Она уперлась ладонями в крышку стола, чтобы не упасть.

– Ладно, – сказала Хенке. – На данный момент вы – это все, что у меня есть. Вы не против, если мы еще немного поболтаем? Я тут, неподалеку.

Убийство произошло в центре. Почему Элин находится в Западном Голливуде? Разве что считает Грейс... как там выражаются в полиции... подозреваемой?

Последний человек, видевший Эндрю живым. Несомненно.

Или Блейдс что-то такое сказала? Или не сказала. Может, несмотря на все усилия, голос выдал чувства, бушевавшие в ее душе?

А может, детектив просто старается ничего не упустить...

– Конечно, я готова встретиться с вами прямо сейчас, – согласилась врач.

– Хм, – сказала Хенке. – Может, через час, доктор?

Да, действительно неподалеку.

* * *

Как только Хенке повесила трубку, Грейс позвонила в отель «Бeverли Опус» и бодрым голосом девушки по вызову сказала:

– Эндрю Тонера, пожалуйста.

Портье щелкнул невидимой мышкой.

– Мне очень жаль, но у нас не регистрировался человек с таким именем.

– Вы уверены?

- Да, мисс.
- О черт, как это может быть? Он сказал, что будет здесь... в «Бeverли Опус».
- Не знаю, что он вам говорил, мисс...
- Ах да, – сказала Грейс. – Я вспомнила, иногда Энди использует свою кличку Роджер.
- У меня поиск по фамилии, мисс, – сказал портье. – Так что это не поможет.
- Очень странно. Может быть, он приехал несколько дней назад и по какой-то причине уехал раньше? Почему он не сказал мне? Я должна была отвезти его на встречу одноклассников.
- Подождите. – Щелчки компьютерной мыши. Приглушенные голоса. – У нас не было гостей с таким именем, мисс.
- Понятно... Но ведь рядом с вами есть другие отели, да?
- Это Беверли-Хиллз, – сказал клерк и повесил трубку.

* * *

Эндрю-Роджер-Роджер-Эндрю.

Грейс предположила, что он остановился в «Опусе», но, очевидно, он просто зашел туда, чтобы... выпить? Почувствовать себя уверенней перед завтрашним сеансом у психотерапевта, где он будет разбираться с *моральными аспектами*?

В конечном итоге он получил не только алкоголь.

Роджер, инженер. Если имя было ненастоящим, то и профессия тоже. Как и перелет из Техаса.

Хоть что-нибудь в его словах было правдой? Кого он изображал?

Психотерапевт вспомнила, как он был шокирован, когда увидел ее в кабинете – такое сыграть невозможно. Таким образом, все, что относилось к его проблеме, по всей видимости, можно считать правдой. А тот факт, что побудительным мотивом стала статья о Джейн Х., прояснял и суть проблемы: родственные связи с опасным преступником.

Моральные аспекты... Не воспоминания о прошлом, а настоящее. Мучительные сомнения, следует ли предавать все огласке.

А теперь он мертв.

Чтобы убедиться, что он не узнал о ней каким-то другим способом, Грейс подавила отвращение и набрала свое имя в поисковике. Нашлись лишь цитаты из научных работ. Ни одной фотографии. Это придавало достоверности хотя бы части рассказа Эндрю.

Блейдс задумалась о том, где он провел последний день своей жизни.

Выпивка в Беверли-Хиллз. Психотерапевт в Западном Голливуде. Смерть в центре города.

Грейс вспоминала, что этот район подвергся реконструкции, которую оценивали слишком оптимистично. Несмотря на Стэйплс-центр, перестроенные чердаки, жилые дома для яппи и бары, основная часть центра Лос-Анджелеса оставалась унылой и опасной. Когда заканчивался час пик, улицы оказывались во власти толп бездомных шизофреников, преступников, наркоманов, наркодилеров и прочей подобной публики.

Может быть, Тонер, не знакомый с городом, забрел в опасный район и наткнулся на психа, действиями которого руководили галлюцинации?

Жалкая и бессмысленная смерть.

Или его убийство действительно связано с моральной дилеммой, благими намерениями и всем прочим?

Где-то внутри у Блейдс зажегся огонек любопытства, вытесняя тревогу.

Если Хенке правильно рассчитала время, то через пятьдесят минут Грейс впервые в жизни встретится с детективом из отдела убийств.

А пока... Прогулка по окрестностям поможет скоротать время. Но женщине почему-то не хотелось двигаться. Она попыталась читать журнальные статьи, но не могла сосредоточиться.

Эндрю Тонер.

Что-то в его имени не давало ей покоя, но она не могла понять, что именно, пока ее взгляд не упал на ежедневник. Запись о его визите и номер телефона, который он оставил.

A. Toner. Если рассматривать все как набор букв, ответ очевиден.

Atoner.

Человек, ищущий искупления.

Детектив Элин Хенке назвала бы это зацепкой.

Грейс решила не говорить ей об этом. Иначе сама она увязнет еще глубже, привлечет к себе еще больше внимания.

Искупление.

Какой грех ты совершил, Эндрю? Или речь о преступлении другого человека?

Хочу ли я это знать – с учетом того, чем мы занимались на парковке?

Благословенно неведение. Но Блейдс все равно набрала телефонный номер, который он оставил.

Не обслуживается.

Глава 14

К тому времени, когда скудные пожитки Грейс были уложены в машину социального работника по имени Уэйн, солнце уже садилось, и долина окрасилась в серые тона, а воздух стал каким-то тяжелым, почти жидким.

Кнутсен завел машину и оглянулся на свою подопечную.

– Всё в порядке?

Девочка кивнула.

– Не слышу тебя, детка.

– Я в порядке.

Когда Грейс перевозили из одной семьи в другую, путешествие обычно оказывалось коротким – прыжок из одного маленького ничем не примечательного дома в другой. Но в этот раз Уэйн вырулил на шоссе и долго ехал по нему.

Его маленькая спутница надеялась, что это не означает больших перемен, какого-то особого места. Она хотела только одного: чтобы ее кормили и оставили в покое, не мешая думать, читать и мечтать.

Грейс продолжала надеяться на это, когда соцработник съехал с шоссе, и перед ее глазами появился дорожный указатель. Живот девочки пронзило острой болью. Это было давно, но освещенный указатель был хорошо виден в темноте, и она вспомнила: в тех редких случаях, когда Доди или Ардис куда-нибудь возили ее в трейлере, они возвращались домой этой дорогой.

Грейс открыла окно, впустив внутрь пыль, жару и выхлопные газы. Солнце уже село, но в сумерках можно было разглядеть неровные верхушки сморщенных растений с серыми листьями – их девочка тоже узнала. По обе стороны дороги валялись пустые канистры из-под масла и другой металлический хлам.

Пустыня, протянувшаяся на много миль.

Теперь Уэйн свернул на дорогу, от которой сердце Грейс учащенно забилося. Указатель с надписью «Грезы пустыни». Если б они ехали медленней, она попыталась бы выпрыгнуть из машины.

Сбежать девочка не могла, но живо представила свой побег. Стиснула кулаки, чтобы ударить водителя по плоскому затылку и заставить его остановиться.

Пустыня. Сколько она сможет продержаться в пустыне?

Не очень долго – спрятаться там негде. Если только дойти до гор. Но там, возможно, еще хуже. Грейс понятия не имела, каково там, поскольку никогда не бывала в горах.

На ней только футболка, шорты и кеды. Высоко в горах может быть холодно, даже летом. Она знала это, потому что, когда Доди жаловалась, что живет, как в духовке, Грейс смотрела на заснеженные горные вершины.

Было слишком темно, чтобы понять, лежит ли в горах снег. Девочка видела только контуры гор, большие и острые.

Как ножи.

– Почти приехали, – сообщил Уэйн. – Как ты?

Ужасно, тупица ты бесчувственная!

– Нормально, – сказала Грейс.

– Немного нервничаешь, да? Это нормально – обстановка незнакомая. Честно говоря, детка, я не представляю, как вы всё это выдерживаете – постоянные переезды, новые семьи... – Мужчина усмехнулся. – Вас тасуют, как карты в колоде. Если подумать, это похоже на азартную игру.

Пассажирка посмотрела на его шею и заметила прыщик сбоку от «хвоста». Если сковырнуть его ногтем, боль будет достаточно сильной, чтобы...

Но затем она поняла, что Уэйн не свернул к «Грезам пустыни». Дорогу, по которой они теперь ехали, Грейс никогда не видела. Узкая и темная. Кнутсен что-то пробормотал о «дебрях» и включил фары дальнего света, так что пространство впереди машины превратилось в холодный белый туннель. Пыль летела из-под колес, как перевернутый дождь. Песок по обе стороны дороги, казалось, уходил в бесконечность.

Затем он везет ее сюда?

Теперь в животе девочки зародился совсем другой страх. Он усиливался, поднимаясь к горлу.

Может, он один из *тех*?

Грейс пыталась запомнить приметы на пути. Прошло довольно много времени, прежде чем что-то появилось на плоской поверхности пустыни, – но это оказалась большая свалка металлолома. Разбитые грузовики. Часть старого автобуса. Груды колес, железных решеток и что-то похожее на металлические скамьи.

За свалкой началась огороженная территория с надписью: «Водопроводная станция. Вход воспрещен».

Девочка нащупала защелку ремня безопасности, чтобы быстро отстегнуть его, если потребуется.

Уэйн был толстым, и она думала, что сможет убежать от него.

Он принялся напевать, сильно фальшивя.

Внезапно за окном со стороны Грейс появились здания. Стоянка для трейлеров, наподобие «Грез пустыни», только эта называлась «Антилоповые пальмы», хотя вокруг не было ни пальм, ни другой растительности. К своему удивлению, девочка обрадовалась, увидев дома на колесах.

Уэйн не снижал скорости, продолжая напевать. Опять открытое пространство, а за ним – еще одна стоянка для трейлеров. И еще одна. Яркие вывески светились в темноте.

«Утренняя заря».

«Авторай».

Значит, она окажется в каком-то месте, похожем на «Грезы пустыни», но без тех воспоминаний... Ладно, это ей подходит.

Грейс вздрогнула – уговоры не помогали. Она обхватила себе руками и боролась с тошнотой.

Пора переключиться на приятные мысли. Девочка приучила себя к этому, чтобы отгонять неприятные. Это было трудно, но она училась.

Ладно. Дыши. Думай о хорошем... Может, новые приемные родители живут в большом доме на колесах, и у нее будет настоящая кровать... Может, там большой холодильник и ей не придется ждать остатков. Может... Уэйн вдруг свернул на другую дорогу – вот уж где начались настоящие ухабы!

Они приближались к горам.

Нигде не было никаких построек – только стало больше этих странных деревьев. Внезапно Грейс вспомнила, как они называются. Юкка – они ехали через лес из юкк. Еще один поворот, потом еще, и появились деревья повыше. Теперь это были пальмы и еще какие-то, округлые, с пучками маленьких листьев.

Дорога шла по прямой, выбоин на ней стало меньше, и водитель перестал напевать.

Впереди показались ворота. Кнутсен плавно затормозил и остановился. От ворот отходила металлическая изгородь, как в загоне для лошадей, но никаких лошадей Грейс не видела.

Может, они в конюшне или в сарае, спят...

Над воротами висел фонарь, освещавший деревянную дощечку.

На дощечке были выжжены наклонные буквы:

Ранчо «Дилижанс».

Этот социальный работник привез ее сюда, чтобы она пасла коров?

Уэйн вышел из машины, открыл ворота и вернулся за руль.

– Довольно мило, а? Я подумал, что после того, что тебе пришлось пережить, ты заслуживаешь чего-то получше, детка. Угадай, для чего это место использовали раньше?

– Животные? – предположила девочка.

– Хороший ответ, мисс Грейс Блейдс, но у меня есть получше. На этом ранчо снимали кино. – Мужчина рассмеялся. – Кто знает, возможно, тебе попадутся реликвии – такие старые интересные вещи...

Он проехал через ворота. Впереди показался дом – такие большие Грейс видела только в книгах. Двухэтажный, шириной как два обычных дома, с белыми деревянными верандами спереди и тремя ступеньками, ведущими на парадное крыльцо, слегка наклоненное вбок.

Уэйн присвистнул.

– Дом, милый дом, детка!

Потом он коротко посигналил. Из дома вышла женщина – в руках у нее было полотенце, которым она вытирала тарелку. Это была очень старая женщина, очень маленькая, с белыми волосами, доходившими до пояса, острым носом, похожим на птичий клюв, и тощими руками, которые быстро двигались, работая полотенцем.

Кнутсен вышел из машины и протянул руку. Женщина едва коснулась его пальцев и снова принялась вытирать тарелку.

– Немного припоздился, амиго.

– Да, прошу прощения.

– К черту, – сказала женщина. – Можно подумать, что у меня нет отбоя от посетителей.

С этими словами она подошла к машине и слегка наклонилась: маленький рост позволял ей заглянуть в машину, почти не сгибаясь. Двигалась старушка проворно, несмотря на возраст.

Увидев Грейс, она прокрутила рукой – девочка поняла этот жест как просьбу опустить стекло.

Она подчинилась, и хозяйка принялась ее разглядывать.

– Ты у нас симпатичная, да? Хорошо, когда есть и то и другое – мозги и внешность. Знаю по личному опыту. – Она засмеялась, и смех ее звучал молодо. – Ну, как ты предпочитаешь, чтобы тебя называли?

– Грейс.

– Довольно просто. Я Рамона Стейдж, и по большей части ты можешь ограничиться просто Рамоной. Когда раздражаюсь – а это случается, ведь я человек, – можешь попробовать называть меня миссис Стейдж. А так меня устраивает и Рамона. Ладно?

– Ладно.

– Бери вещи, я покажу тебе твою комнату.

* * *

Внутри дом, с массивной темной мебелью и облицованными деревянными панелями стенами, на которых висели картины с изображением цветов и фотографии мужчины – одного и того же – в красивой черной рубашке и белой ковбойской шляпе, оказался еще больше. Грейс не удалось увидеть что-то еще – она едва успевала подниматься по лестнице вслед за миссис Стейдж, которая схватила ее сумки и двигалась так легко, словно ничего не весила.

Наверху была широкая лестничная площадка с коричневым ковром и шестью дверями. Пахло томатным супом и, возможно, каким-то стиральным порошком.

– Тут, – сказала Рамона, указывая на ближайшую дверь, – моя спальня. Если дверь открыта, ты можешь постучать. Если я скажу «заходи», «давай» или что-то в этом роде, можешь войти. Если дверь закрыта, даже не пытайся. Дальняя дверь – кладовка для постельного белья. Рядом ванная. У меня своя, так что эта для детей. Остается три спальни для детей; и в данный момент у меня два малыша в комнате слева и один здесь – у него особые потребности. Все мальчики, но это может измениться. А пока ты тут единственная девочка, у тебя будет своя комната – это я могу обещать. Совершенно очевидно, что она самая маленькая. Это кажется тебе несправедливым?

Грейс покачала головой.

– Не слишком разговорчивая? – Хозяйка дома усмехнулась. – Отлично, можешь кивать или качать головой. При условии, что ты понимаешь: что бы тебе ни казалось, я всегда стараюсь быть справедливой. Не только с детьми – я одинаково отношусь ко всем: большим шишкам, детям, простым рабочим...

Она ждала.

Ее новая воспитанница молчала.

– Ты понимаешь, о чем я, Грейс? Что Гэри Купер⁴, что кровельщик, который приходит чинить крышу, – мне все едино. Поняла?

– Да, мэм.

Рамона Стейдж рассмеялась и хлопнула себя по коленке.

– Вы только посмотрите, у нее есть голос! Я и вправду знала Гэри Купера, и он никогда не требовал особого обращения. Понимаешь, о чем я?

– Он был кинозвездой, но нормальным.

Старушка вскинула голову.

– Ты понятия не имеешь, кем был Гэри Купер, да? В твоем возрасте ты не могла видеть его фильмы.

Грейс покачала головой:

– Я просто предположила.

– Ага, молодец, – сказала Рамона, окинув девочку взглядом. – Резонно, с учетом того, что о тебе рассказывали.

Послышались тяжелые шаги.

Над верхними ступеньками появилось мясистое лицо Уэйна, а затем и все его тело.

– Мы отлично поладили, – сказала Стейдж.

– Замечательно, миссис Си. Можно мне поговорить с Грейси?

Никто не называл ее Грейси. И Кнутсен тоже – до сих пор.

Спорить не было смысла.

– Я отнесу ее вещи в комнату, а ты можешь с ней попрощаться. – Хозяйка открыла дверь в самую маленькую спальню и вошла.

– Нравится? – спросил Уэйн девочку.

– Да.

Мужчина принялся барабанить пальцами по своему бедру. Как будто ждал чего-то еще.

– Спасибо, – сказала Грейс.

– Не за что, Грейси. И послушай: у тебя хороший шанс задержаться здесь надолго, потому что она делает это не ради денег. Я точно не знаю зачем, но она богата... То есть у нее есть деньги. Ладно?

– Ладно, – сказала девочка, не очень понимая, на что соглашается.

⁴ Гэри Купер (1901–1961) – знаменитый американский актер.

– Единственная проблема заключается в том, что если ничего не выйдет... Хотя я и не вижу на это причин, но, если ничего не выйдет, ты не сможешь мне позвонить, потому что, как уже говорил, я увольняюсь из социальной службы.

– Знаю.

– Хорошо... В любом случае я хотел закончить на позитивной ноте, – сказал Уэйн. – Сделать для тебя что-то особенное. Ты очень умна, детка. Если у тебя будет опора, ты многого сможешь добиться.

– Вы тоже.

– Я?

– Станете юристом. Заработаете много денег.

Кнутсен смотрел на ребенка во все глаза.

– Ты и вправду слушала?

Этот вопрос Грейс будут задавать снова и снова.

* * *

Рамона Стейдж и Грейс проводили взглядом удаляющуюся машину Уэйна.

– Слишком чувствительный, но, по крайней мере, он пытается, – проговорила старушка. – Ладно, теперь идите в вашу комнату, юная леди. Уже давно пора спать.

Спальня была узкой и напоминала шкаф, в который можно войти. Единственное слуховое окно с белой муслиновой занавеской почти не пропускало света. У крыши был крутой скат, и миссис Стейдж указала на это.

– С твоим ростом проблем не будет, разве что ты резко сядешь в кровати, но в целом будь осторожна и не ударься головой, потому что голова – самое ценное, что подарил тебе Господь.

Глаза Грейс не могли оторваться от кровати. На такой большой ей еще спать не приходилось. Латунная передняя спинка была зеленовато-коричневого цвета. У спинки лежали две большие подушки с узором из розовых цветов, каждая с ямкой в центре. Покрывало было розовым в белую полоску и выглядело новым. Металлическая подставка у окна служила вешалкой. Дубовый комод с двумя ящиками предназначался для вещей, которые миссис Стейдж называла «складываемыми».

Вместе с Грейс Рамона разложила вещи. Несколько раз она заново складывала то, что девочка и так считала аккуратно сложенным.

Закончив, старушка отвела новую воспитанницу в общую ванную и втянула носом воздух.

– Эти мальчики никак не научатся целиться, как я ни стараюсь.

Грейс ничего не почувствовала, но возражать не стала.

– Почистишь зубы, дорогая, – сказала Рамона Стейдж и стала смотреть, как девочка это делает. – Тщательно чистишь, молодец. Нужно заботиться о теле, которое тебе дано. А теперь в кровать.

Однако по дороге к самой маленькой спальне хозяйка жестом остановила малышку, приоткрыла дверь комнаты, где спал один мальчик, и заглянула внутрь.

Грейс услышала тихое шипение, как будто воздух выходит из проколотой шины.

Рамона осторожно закрыла дверь.

– Нормально. Хочешь, я тебя уложу?

– Я сама.

– Все равно уложу.

* * *

Укладывание заключалось в том, что Грейс было приказано забираться под одеяло, «положить подушки, как тебе удобно, а потом думать о хорошем, потому что, можешь мне поверить, жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на печальные мысли».

Простыни приятно пахли, словно девочка лежала на клумбе. Рамона выключила лампу, и Грейс натянула одеяло до подбородка. Теперь, когда в комнате стало темно, слабый свет просачивался сквозь муслиновые занавески.

Мягкий серебристый свет луны падал на лицо Стейдж, стоявшей в дверном проеме. Лицо стало мягче и как будто моложе.

Затем она вернулась к кровати.

– Ты можешь делать все, что хочешь, но так будет комфортнее. – Старушка загнула одеяло, так что на груди Грейс образовался аккуратный отворот. После этого она положила руки Грейс на живот поверх одеяла, едва коснувшись их кончиками пальцев. – Вот так, углом, видишь? Чтобы думать о важном, Грейс. А теперь засыпай.

Что девочка и сделала – к своему удивлению.

* * *

Несмотря на то что раньше здесь было ранчо, Рамона не держала животных.

– Сначала я избавилась от лошадей, потом от коз, потом от гусей. И наконец, от кур, потому что у меня повысился холестерин, и я отказалась от яиц. Собаки у меня жили, пока не умерли от старости, – рассказала она.

В свое первое утро на ранчо «Дилижанс» Грейс встала в шесть часов. Когда она выглянула из спальни, хозяйка уже стояла на лестничной площадке. Клетчатая рубашка, джинсы и туфли без каблуков, длинные белые волосы собраны в узел на затылке, в одной руке чашка кофе – словно она ждала появления новой обитательницы ранчо. Они вдвоем спустились на кухню, где Рамона выпила кофе, а Грейс съела тост, запивая его апельсиновым соком.

– Уверена, что не хочешь яиц или мяса? – спросила старушка.

– Нет, спасибо.

– Довольно скромный завтрак, девочка... Как знаешь, конечно, но можно и передумать.

Кухня была огромной, и из нее открывался вид на горы. Белое кухонное оборудование выглядело старым. Над столом висела еще одна фотография все того же мужчины в красивой рубашке и ковбойской шляпе – только он был старше, чем на той, что Грейс видела вчера вечером, и лицо его было полнее.

– Так что собак больше нет, – продолжала рассказывать хозяйка. – Ты любишь собак?

– У меня их не было.

– А у нас – несчетное количество, и у каждой свой характер, как у людей. – Рамона встала, вытащила что-то из буфета и показала Грейс. Это была выцветшая фотография двух больших печальных дворняжек, растянувшихся на парадном крыльце дома. – Это Геркулес, хотя имя ему не подходит, а второй – Джоди, его мне оставила съемочная группа, и иногда он ел свое дерьмо, причем предсказать это было нельзя, что только осложняло дело. Когда они оба отправились в собачий рай, я решила, что мне нужно завести еще одну собаку, потому что в таком большом доме хорошо иметь какую-нибудь живность для компании. Но потом мне понравилось жить без этих забот, и теперь единственные животные, которых ты тут можешь увидеть, – это противные паразиты вроде мышей, крыс, опоссумов, бурундуков и скунсов. Я говорю это тебе для того, чтобы ты не пугалась, если наткнешься на тощего мексиканца со странными приспособлениями, который словно прячется в засаде.

– Ладно.

Рамона пристально посмотрела на девочку.

– Тост не пережарился?

На вкус этот тост был как картонка.

– Хороший, – сказала Грейс и в качестве доказательства откусила кусочек.

– Кажется, тебя нелегко испугать. Я права?

– Наверное. – Взгляд девочки переместился на мужчину в ковбойской шляпе.

– Как ты думаешь, кто это? – спросила Стейдж.

– Ваш муж?

Глаза Рамоны сверкнули. Грейс впервые обратила внимание на их цвет. Карие, почти черные.

– Умная девочка. Хотя я думаю, что это логический вывод из того, что его фотографии развешаны по всему дому, а я слишком стара для подростковой влюбленности.

Снова послышался молодой смех. Потом Рамона моргнула, а ее нижняя губа задрожала. Она улыбнулась, сверкнув белыми зубами, словно хотела показать, что счастлива.

– Он был ковбоем? – спросила Грейс.

– Ему нравилось так думать. Он также воображал себя актером и снялся в нескольких малобюджетных ковбойских фильмах – то есть не слишком известных вестернах, в те времена, когда они были популярными. Ты когда-нибудь видела вестерн?

Девочка покачала головой.

– Он снялся в четырнадцати, – сказала хозяйка дома, глядя на фотографию. – Но до Гэри Купера ему было далеко, поэтому он в конечном счете взялся за ум, купил это ранчо и стал сдавать его в аренду знаменитым режиссерам, на чем мы отлично зарабатывали. Его сценический псевдоним был Стив Стейдж. Думаешь, это его настоящее имя?

Грейс снова покачала головой.

– Верно, – кивнула Рамона. – Однако к тому времени, как я познакомилась со Стивом Стейджем, он уже официально взял себе это имя, и поэтому я была миссис Стейдж. На самом деле он сказал мне правду, только когда мы ехали в Лас-Вегас, чтобы пожениться, – все произошло быстро. – Она улыбнулась. – За пятьдесят миль до Лас-Вегаса он уже подарил мне кольцо, и я сказала, что согласна, так что он, наверное, решил, что может рискнуть и признаться.

Пожилая женщина показала Грейс свою руку. В оправе из белого металла сверкал маленький камень. На сухой, сморщенной коже кольцо казалось ярким и гладким.

– Красивое, – сказала девочка.

– Из ломбарда, – ответила Рамона. – Того, что рядом со студией «Парамаунт», в Голливуде. В общем, за пятьдесят миль от Лас-Вегаса он решил мне рассказать. Не только имя, но и всю биографию – откуда он и чем занимался. Угадай, откуда он родом?

– Техас.

– Хорошая попытка, милочка. И абсолютно неверная. Нью-Йорк. Выяснилось, что отчаянного парня, которого я знала как Стива Стейджа, на самом деле звали Сидни Блюстоун. Что скажешь?

Грейс пожала плечами.

– Он подумал – совершенно справедливо, – что Сидни Блюстоуну вряд ли дадут роль в вестерне, – продолжала старушка. – Поэтому отправился в суд и – вуаля, вот вам Стив Стейдж. Когда я хотела подшутить над ним, то называла его Сидом из Бруклина. Он не сердился, но это ему не нравилось. Воспоминания могут быть неприятными.

Она посмотрела на Грейс. Улыбаться девочке не хотелось, но она все-таки улыбнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.